

Александр Муромцев

Бремя версий

18+

Александр Муромцев

Время версий

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Муромцев А.

Бремя версий / А. Муромцев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Герой книги Игорь Климов делает первые шаги на профессиональном поприще. Он наш современник и мог бы быть российским инженером, врачом или учителем, но стал обычным рядовым российским следователем. Постигая азы следственной работы, он сталкивается не только с порядочными людьми, но не опускает руки и не изменяет избранному пути.

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	14
5	17
6	19
7	22
8	24
9	26
10	30
11	33
12	35
13	38
14	41
15	47
16	48
17	50
18	54
19	57
20	60
21	62
22	64
23	67
24	70
25	72
26	73
27	75
28	79
29	82
30	83
31	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

*Уважаемый читатель!
Специу предупредить, что
возможные совпадения реальных
названий, имён и ситуаций с
текстом книги носят случайный
характер.*

Автор.

Часть первая

Предварительное следствие или уехавший труп

*«Производство предварительного
следования обязательно по всем
уголовным делам, за исключением...»
из статьи 150 Уголовно-процессуального
кодекса Российской Федерации*

1

За мгновение до звонка будильника он открыл глаза. Или так ему показалось. Обычно Петрович просыпался в семь утра. Это было привычкой, и никакой будильник ему нужен не был. Но сегодня он запланировал сходить по грибы, и для этого полагалось встать до рассвета, чтобы всех опередить. А вставать очень не хотелось. Непривычный к ранним побудкам мозг противился насилию и изобретал всяческие оправдания, что, мол, полчаса – час ничего не решат, можно и полежать. Тем более что упрекать было некому.

Геннадий Петрович давно жил один. Когда-то в прошлой жизни была жена, столичная квартира и работа на заводе. Потом все разладилось и в государстве, и в семье. От жены он ушёл, забрав только одежду и рыболовные снасти. Ушёл после очередного скандала, когда ему стало отчётливо ясно, что спокойной жизни на пенсии не предвидится, а будут сплошные попреки и раздоры. Жена яростно противилась наступающей старости, применяя весь арсенал косметики и чудо-лекарств, предлагаемый телевизионной рекламой, продолжала работать диспетчером в автопарке и была в курсе всех новостей из мира знаменитостей. Ушёл он спокойно, ни в чём её не виня. Мало, что их уже связывало. Детей не было. Общих интересов тоже. Его выручил родительский дом в деревне в ста пятидесяти километрах от Москвы, который уцелел в лихие девяностые и тихо пустовал, зарастая кустарником и сорняками.

В нём Петрович, как его величали сельчане, и обосновался. Своими руками сделал кое-какой ремонт, наладил печь, перезимовал, весной раскорчевал небольшой огородик и зажил бобылём. Пенсию назначили небольшую по меркам города, но в деревне она выручала. Сам некурящий, он выпивал крайне редко, да и то непокупное. Самогонку гнал ещё покойный батя. Его мудрёное устройство Петрович, работавший всю жизнь слесарем, привел в порядок и даже усовершенствовал. Спиртное требовалось, чтобы расплачиваться с шоферами и трактористами, без которых на селе никуда. Жена иногда приезжала, гостила по неделе, звала вернуться, но как-то ненастойчиво. Видно, её жизнь в городе вошла в колею. Он понимал и не обижался.

В этом году, готовя запасы на зиму, Петрович даже наварил варенья, оставалось засолить грибов. Местный уроженец, он отлично знал окрестные леса и все грибные места. Но было одно особое, про которое мало кто ведал. Да и то сказать, в деревне осталась пара старушек, а так всё летние дачники, которые целыми семьями с детьми и декоративными собаками прочёсывали опушку большого леса, выбирая дотла сыроежки да опята, а то и малосъедобные копытники. Он такие грибы с детства знал, но не брал. Возни с ними много. Поэтому, уходил он подальше в лес, от раздвоенной сосны забирал влево к болоту и по его краю шёл до небольшой полянки, где и росло богатство из белых и подберёзовиков. Подберёзовики росли как бы кустами, по нескольку штук, а белые – цепочками, и Петрович любил их срезать по старшинству, причем самые молодые грибочки, которые ещё не проклюнулись на свет, он отыскивал кончиками пальцев на ощупь в прелых листьях и еловых иголках. Эти крепыши шли исключительно для маринования, и такая литровая баночка открывалась только в особых случаях.

Приходилось поторапливаться. На заветное место недавно наткнулся Жека из соседней деревни. Дороги вдоль болота Жека не знал, но пару лет назад лес разрезали автотрассой, с которой был неприметный съезд в чащу. Этот съезд, а затем полянку Жека и обнаружил. У него имелся древний, ещё дедов мотоцикл с коляской. На нём Жека днями колесил по окрестностям, отыскивал и раскапывал оставшиеся с последней войны старые окопы и блиндажи, густо рассыпанные по всему лесу. Найденные оружейные гильзы сдавал как цветной металл, а прочие трофеи продавал кому-то в городе. Этим и жил со своей матерью-инвалидом.

Третьего дня прошли обильные дожди, что для грибов первое дело. Жеку следовало опередить.

Петрович решительно поднялся и стал одеваться. Это расшевелило кошку и двух котят, которые до этого, как заколдованные, неподвижно сидели в дверях и только издали наблюдали за пробуждением хозяина. Лезть к кровати и мяукать по утрам у этой кошачьей семьи считалось дурным тоном. Хотя сейчас было совсем не их время, кошки, путаясь под ногами, показывали, что надо бы любимцев покормить. Что и было исполнено. Сам Петрович завтракать не стал, попил воды и взял в дорогу два ломтя ржаного хлеба, круто их посолив.

Выйдя за порог, он несколько мгновений постоял на высоком крыльце, вдыхая предрасветный воздух. Меньшую корзину запихнул в большую, и, подцепив их на локоть, тронулся в путь. До восхода было ещё с полчаса, но сумерки идти по набитой тропе не мешали.

Как он и рассчитывал, на полдороге к полянке верхушки деревьев осветило солнце, но неожиданно спустился легкий туман. Петрович продолжал идти напролом, не таясь, наступая на валежник, и за его треском, краем уха расслышал вроде бы стрекотанье мотоциклетного мотора. Огорчённый, он остановился и прислушался. Но, нет, всё было тихо, видимо, показалось. Он сделал ещё с десяток шагов и вдруг сквозь туман увидел впереди на краю полянки какой-то неяркий электрический свет. Вот и опередил – с досадой подумал Петрович, но идти продолжил.

Но что-то было не так. Обозначились два неподвижных светлых пятна, а у мотоциклов так не бывает. Значит, всё-таки не Жека. Кто тогда здесь в такое время? Особой тревоги не возникло. За годы Петрович привык и к одиночеству, и к лесу. В злые силы верить не приучился, чужих не боялся и всегда рассчитывал только на самого себя. Но здесь, на всякий случай, взял правей, зашёл немного сбоку, остановившись за толстым сосновым стволом.

Туман почти рассеялся, солнце светило уже сквозь листву. Петрович увидел угловатый силуэт крупной чёрной автомашины, упёршейся бампером в густые заросли малины и крапивы. Двигатель не работал, только неярко светили передние фары. Водительская дверца закрыта, но стекло полностью опущено. На водительском месте неподвижно сидел человек, склонив голову на руль. Мёртвых Петрович не боялся, хотя убитых видеть ему не приходилось. Но, вдруг, стало как-то не по себе, как-то неправильно всё. Кругом утро, солнце, ожил лес. И вдруг мертвый молодой мужик, вырванный силой из земного бытия. А кто его? И за что?

Петрович, хотя и был уверен, что на полянке и рядом в лесу никого нет, всё же внимательно огляделся, но никого так и не увидел. Он подошёл ещё ближе и увидел страшную картину. Даже сердце как-то захолонуло. Мёртвое лицо, обращённое к Петровичу, было спокойно. Полуприкрытые глаза по-неживому тускло отражали дневной свет. Кровь во многих местах пропитала одежду. Хоть мёртвых и не боялся, но прикасаться к машине и трупу не стал, отошел. Подумалось: вот, эти его мать, сходил по грибки.

Но ни собирать грибной урожай, ни просто уйти Петрович теперь уже не мог. Как будто какой-то долг почувствовал перед покойником. Надо что-то делать. Вызывать милицию. Как видел раньше в старом фильме про шпионов. Хотя теперь и не милиция, а полиция, других вариантов для Петровича не было.

Прихватив корзины, он пошёл напрямик через чащобу к автотрассе. По дороге он невольно ускорял шаг и в конце почти бежал, так что у съезда к шоссе нужно было встать и отдышаться.

Выбрав место на обочине, Петрович начал голосовать, как шутили раньше, «за развитие автотранспорта». Машин шло не так уж мало, но никто, видя пожилого мужика в брезентовой куртке, резиновых сапогах и с корзинами, не останавливался. Если бы это нужно было лично ему, Петрович плюнул бы и отправился пешком, но тут он делал как бы даже государственное дело, поэтому он упрямо стоял, вытянув вперёд и вверх правую руку.

И, достоялся. Затормозил старенький микроавтобус с надписью «техпомощь» на обшарпанном борту. Молодой водитель, наклонясь к правому окну с открытым стеклом, прокричал: – Куда тебе, отец?

– Да мне-то куда. Ты вот что, сообщи в полицию, что в лесу человека убили. Я буду здесь дожидаться, они одни не найдут. Сообщишь?

– А ты-то, кто?

– Житель, местный, из Стеблево, по паспорту Иванов, а зовут все Петрович, ты уж там объясни, а то напутают. Ивановых-то у нас в России, сам знаешь, полведра. Только поскорее бы приехали.

– Ладно, жди.

Парень уехал, а Петрович, понимая, что ждать нужно может даже не один час, отошел с обочины и присел за кюветом на косогоре. Достал было из кармана свой хлебный запас, но еда как-то в горло не шла. Так и сидел на солнцепёке, стараясь собраться с мыслями.

2

Дверь в кабинет следователя Игоря Климова приоткрылась и в образовавшуюся щелку заглянула инспектор канцелярии Лида. Увидев Игоря на рабочем месте, она скороговоркой протрещала:

– Игорь Николаич, вас шеф срочно зовёт.

– Иду!

Игорь подчёркнуто неспешно поднялся, надел пиджак, поправил галстук и, взяв для солидности блокнот и ручку, отправился на второй этаж к руководителю следственного отдела Валерию Ивановичу Сорокину.

Следотдел по городу Калашину недавно заселился в это новое здание, и запахи краски и штукатурки ещё не совсем выветрились. Но Игорю это почему-то нравилось, чем-то напоминало школу в начале сентября и порождало добрые и светлые воспоминания.

Постучав, Игорь попросил разрешения войти. Надо сказать, что в следствии начали прививать стиль общения по армейскому образцу, это многим ветеранам следствия не очень нравилось, но отслуживший после юрфака срочную службу Игорь воспринимал новые веяния легко.

Руководитель войти разрешил, указал на стул и спросил:

– Резиновыми сапогами обзавелся?

– Да нет еще, – ответил Игорь и, подумав, добавил, – дома у родителей есть, но в кабинет пока не привёз.

– Понятно, и форму пока не получил. Папку-то для выездов собрал или тоже «нет еще»?

– Формы моих размеров нет, а папка готова, а что нужно ехать?

– Угадал. Из дежурки звонили: труп в лесу, в машине. Полицейская группа выехала на место, передали, что огнестрел. Судмедэксперт уже там. Репортёры понаехали. Ждут следака. Тьфу, чёрт, сам не люблю это словечко, явно оно из блатного жаргона. Так что давай, сапоги у Величко попроси, там, в туфлях не пройдёшь. Водителю я сказал, вас встретят на трассе и покажут куда ехать. Да, и вот: возьми мой служебный жилет, а то попадёшь в кадр в гражданке, начальство опять надписи «следственный комитет» не увидит, и мне снова за вас влетит.

Сорокин протянул Игорю небольшой свёрток в чехле из чёрного нейлона.

– Спасибо, – Игорь поднялся.

– И звони. Не будет мобильной связи, выйди через полицейскую рацию, мне передадут. А то от вас информации не дождёшься. Протокол и вещдоки в отдел, труп направишь в морг. Я скажу начальнику полиции: машину пусть отгонят к ним на стоянку, иначе раскулачат, – продолжал нудить Сорокин, который в начальниках ходил года два и считал, что если он не подсказет, то сами следователи сообразить не в состоянии.

Об этом Игорь подумал, уже спускаясь к машине.

Водитель Слава ждал за рулём «уазика», покуривая. Поехали сразу, и о сапогах Игорь вспомнил километров через десять. Доехали довольно быстро.

На обочине стоял сержант и развлекался тем, что осаживал двух репортёров местного телеканала «Дежурный объектив». Их разрисованный рекламой канала автомобильчик «Рено» приткнулся к кювету. Ребята горячились и винили сержанта в сокрытии информации и нарушении их конституционных прав. Сержант для вида сокрушался таким своим беззакониям, но дальше обочины бойких СМИ-шников не пускал, ссылаясь на приказ начальства.

– Так доложи, что мы приехали, он сразу разрешит, как узнает, что это мы, вот увидишь, – убеждали они.

– Да у меня рация только на приём настроена, – отбрёхивался сержант, – не могу доложить.

Игорь вылез из машины, надел служебный жилет, и представился. Репортёры воспряли и надели на сержанта с новой силой.

Но того было не прошибить. Игорю он сказал, что его давно ждут, и надо метров триста проехать вглубь леса.

Но тут подвёл Слава. «Уазик» почихал и заглох. Слава залез под капот и оттуда доложил, что быстрого отправления не гарантирует.

Дело осложнялось. Асфальт от лесной дороги отделяла трехметровая канава, на дне которой от недавних дождей стояла коричневая жижа. И тянулась эта лужа и вправо, и влево насколько хватало глаз. Хотя и неглубоко, но для Игоревых туфель непреодолимо.

Репортёры с серьезным видом сказали, что рады предоставить следствию свою «Рено» и проехать в лес.

Но это не устроило сержанта. Потоптавшись, он крикнул, нецензурно выругался и сказал Игорю:

– Давай на закорки, перетащу. Только не рассказывай никому.

Деваться было некуда. Сержант – здоровенный парень, легко сделал с живым грузом несколько шагов. Пристыженный Игорь поспешил скрыться в лесу, а сержант, гордый своей находчивостью и самопожертвованием, хлюпая промокшими берцами, вернулся к репортёрам, которые подозрительно притихли.

3

На всякий случай Игорь считал шаги, чтобы засечь расстояние из расчёта: три шага – два метра. Долго идти не пришлось. Вскоре в просветах зелени Игорь заметил полицейскую машину, а рядом нескольких людей. Он подошёл ближе. Под ногами чавкало, туфли сразу промокли. Но винить оставалось только себя. Игорь узнал начальника уголовного розыска Куницына и судмедэксперта Реброва. Они опирались задами о капот полицейского «Фордика» и обмахивались отломанными веточками, отгоняя комаров. Дальше, на краю полянки, стоял чуть боком к ним черный «Мерседес» «Гелендваген». Возле него ходил толстый парень с фотокамерой.

– Игорь, привет! Заждались, – проговорил Куницын и протянул для пожатия руку.

Ребров просто кивнул и тоже пожал руку Игорю. Игорь, обогнув их, подошёл к «Мерседесу» и поздоровался с парнем. Тот представился экспертом-криминалистом из отдела полиции, и, добавив, что он уже всё отфиксировал, отправился к полицейской машине.

Игорь сделал круг, заглядывая в окна внедорожника, и остановился у водительской дверцы. Да, это несомненный криминал. Одна огнестрельная рана чуть ниже левой подмышки. Ни оружия, ни гильз в машине и под ней не видно. Убитому лет тридцать – тридцать пять. Дорогие костюм и рубашка, да и машина непростая. Даже небольшой опыт Игоря позволял понять, что проблемы с таким делом об убийстве у него будут.

Перед тем, как начинать подробный осмотр, Игорь жестом пригласил коллег на военный совет. Они оба, люди со стажем, повидали всякого, и поэтому свои мысли выражали кратко, по существу.

Всё сводилось к следующему. На лесной дороге следов не закрепить, слишком большой слой сухих еловых иголок. Вроде примятость есть, но, что и когда проехало, не скажешь. Полянка сыровата, и с высокой травой, поэтому колея от внедорожника ясно выделяется. Она единственная и оставлена именно этой машиной. Следов ног не выявлено, но трава в нескольких местах примята. Это, видимо, после свидетеля, который и нашёл труп.

На вопрос Игоря, где этот свидетель, Куницын сказал, что это местный мужик, он здесь, дожидаясь полицию и сейчас с участковым и водителем обходит полянку по опушке, может, они, что и найдут.

Судмедэксперт подтвердил, что видимая рана одна, но одежда залита кровью, поэтому он скажет точнее, когда труп вытащат из машины.

Куницын добавил, что свидетель говорит: дверцы были закрыты, когда он пришёл. А вот стекло явно опущено до выстрела, поэтому оно и не разбито. Машину Куницын, по его словам, пока не смотрел, хотя сказал, что документов при трупe и в машине нет, как и денег.

Такое нелюбопытство опера Игоря, конечно, сильно удивило, но вслух он ничего говорить не стал, приберёг слова «на потом», сообразив, что машину до его приезда уже аккуратно обшарили.

Куницын, чуткий как собака, уловил даже невысказанное сомнение и поспешил Игоря отвлечь, сказав, что по номерам машинку уже пробили, числится за какой-то ассоциацией, название длинное, у ребят записано, а на учёт поставлена Вишневецким, жителем Москвы, 1959 года рождения. Так что убитый явно не он. Труповозку вызвали, едет.

Оставалось перейти к самой неприятной части осмотра – вытащить и тщательно осмотреть труп. Латексные перчатки были только у судмедэксперта. Игорю и Куницыну пришлось брать за одежду, где почище. Эксперту-криминалисту перчаток не досталось, но ему они нужны и не были. Он сразу заявил, что покойников таскать не его дело, и он к ним ни разу не прикасался. Спорить с ним не приходилось, но остальным деваться было некуда.

Поэтому втроём: раз-два взяли, приподняли, вынули и положили на траву. Трупное окоченение в крупных мышцах уже наступило, поэтому убитый был в неестественной позе, как будто готовился прыгнуть. Но это никого не смущало, и Ребров начал методично проверять карманы, а Игорь складывать в пластиковый мешок для вещдоков голубой носовой платок, пластмассовую расческу, часы на белом металлической браслете, желтый металлический перстень с тёмным камнем-вставкой, три ключа на стальном колечке, желтую металлическую цепочку с крестиком.

А больше ничего. Ни документов, ни мобильного телефона, ни денег.

Игорю стало интересно: как о том, что их нет, узнал Куницын? Игорь на него взглянул, но увидел до того безмятежные и ясные голубые очи, что первым отвел взгляд.

Ребров опытными движениями расстегивал рубашку и брюки, осматривал тело и ровным голосом комментировал увиденное на предусмотрительно включенный Игорем диктофон:

– Смотри, ни других ран, ни шрамов, ни татуировок на убитом не наблюдаем. Входное отверстие на левой боковой стороне груди, ранение слепое. Пулю я извлеку при вскрытии. Могу сказать, что, судя по ране, стреляли не в упор, а с некоторого расстояния, но точнее по следам выстрела на пиджаке и рубашке скажут физико-техническая и баллистическая экспертизы.

Игорь, глядя на неподвижное тело, неожиданно подумал: сколько раз приходилось читать в книгах про страшные гримасы на лицах убитых, жуткие оскалы и прочие ужасы. Ничего такого он никогда не видел. Может, и бывает после серьезных аварий. Но вообще-то покойник от русского слова покой. Ничего-то его лицо не выражает из-за полной расслабленности мускулов.

От этих мыслей отвлёк Куницын, который за эти минуты прошерстил салон машины, перевернул резиновые коврики, проверил дверные карманы и пресловутый перчаточный ящик, который все поколения наших шоферов дружно зовут «бардачок», и показал свой улов. Счёт-квитанция за техобслуживание на имя Вишневецкого, инструкция по эксплуатации «Мерседеса» и автомобильная карта Москвы и области. Всё это Игорь тоже уложил в пакеты.

Толстый эксперт-криминалист, тоже не теряя времени, на удивление проворно, колдовал со специальным составом, обрабатывая им стекла и дверцы, руль и панели салона, стремясь найти отпечатки. Какие-то выявились, но чьи – пока не скажешь.

Надо начинать писать протокол.

Чтобы не так доставали комары, Игорь сел на заднее сидение полицейского «Форда», поднял все стекла, утвердил на коленях папку, и, одуревая от духоты, привычно строчил на заранее распечатанном бланке, что он, такой-сякой, при достаточном дневном освещении и так далее, произвел осмотр места происшествия и трупа неизвестного мужчины. Как всегда, во время этой неизбежной механической работы мысли пришли в равновесие, Игорь почувствовал даже какое-то удовлетворение от собственной главной роли в процедуре осмотра.

Остальные, пользуясь паузой, сгрудились у машины. Куницын и Ребров закурили и потихоньку травили анекдоты.

Эту идиллию нарушил противный писк рации. Куницын ответил, а потом, ухмыляясь, протянул пластмассовый кирпичик Игорю, присовокупив:

– Это тебя, ваше благородие.

Игорь машинально поднёс рацию к уху и сразу узнал от своего шефа Сорокина, кто он есть, как его звать и вообще: где доклад?

Игорю стало стыдно, но не очень. Он занимался делом, что в его понимании было важнее всяких докладов.

Строго посмотрев на ребят, которые хихикали, слыша словесные упражнения Сорокина, Игорь, как ему показалось, связно и обстоятельно проинформировал шефа обо всех скорбных обстоятельствах.

Узнав о том, что на отдел падает ещё один возможный глухарь, Сорокин рассвирепел и начал так орать, что рация была, пожалуй, лишней. Выплеснув эмоции, он велел поторопиться, закругляться и не забыть доставить в полицию свидетеля, нашедшего машину. На этом сеанс связи руководство завершило.

Игорь вздохнул и вернул рацию Куницыну.

В этот момент возвратились с обхода участковый, водитель и мужчина в брезентовой куртке. Всю их одежду облепила лесная паутина. Участковый доложил, что ничего не обнаружили. Но это было не совсем так. В руках у участкового и водителя имелись большие полиэтиленовые пакеты, набитые грибами.

Куницыну стало за них неудобно, и он зло сказал:

– Вижу, зря времени не теряли.

– Дак, чего? Тут их полно. Хоть косой коси. Топтать что ли? – промямлил участковый.

Игорь видел его впервые. Обычный парень, форма новая, ещё не обмятая. Физиономия вроде смышлёная, а понимания, что не всё можно делать вблизи трупa, нет.

– Как ваша фамилия? – спросил Игорь, – мне для протокола нужно.

Участковый проворно поставил пухлый пакет к колесу машины и представился:

– Лейтенант полиции Ковтун.

Игорь записал его в участники следственного действия и обратился к пожилому мужчине:

– А вы кто?

– Иванов Геннадий Петрович. Живу здесь недалеко. Деревня Стеблево.

– Вы обнаружили машину и труп?

– Да. Я уже всё рассказал, вот товарищам, как и что. Я ничего не брал и не трогал. Сразу пошёл к дороге и милицию вызвал.

– Понятно, только сейчас полиция называется. Вы нам ещё понадобятся, поэтому надо будет с нами проехать в отдел.

В это время на поляну въехал зеленый уазик-буханка. Это прибыла труповозка. Разбитой водитель, выпрыгнув в траву, весело со всеми поздоровался.

– Ты, давай, развернись и задом сдай, видишь «Мерседес» стоит? Не на руках же нам тащить? – распорядился Ребров.

Всё было сделано, труп общими усилиями погрузили. Игорь выписал бумажку о направлении трупa на судебно-медицинское исследование, и буханка укатила.

Оставалось перегнать в отдел «Мерседес». За его руль уселся участковый Ковтун, как человек без предрассудков. Ключи оставались в замке зажигания, но запустить двигатель сразу не удалось. Сел аккумулятор. Хорошо, что в полицейском «Форде» нашлись провода с клеммами. «Фордик» подогнали впритык к борту «Гелендвагена». «Немцу» дали «прикурить», и его мотор тихо заурчал. На заднее сиденье усадили свидетеля Иванова. Остальные втиснулись в легковушку, и машины тронулись через лес к автотрассе.

На выезде по-прежнему маячил рослый сержант, а за его спиной увивались репортёры, нацелив камеры на вынырывающие из канавы машины. Сержант подошёл и доложил, что следотдельский уазик уехал на ремонт, труповозка прошла, а сам он лучше сядет во внедорожник. Репортёры погрузились в свой «Рено», и колонна двинулась в город Калашин.

4

В райотделе полиции, в кабинете её начальника Кустова, Игоря уже дожидались руководитель следотдела Сорокин и замрайпрокурора Мещанов.

Они молча изучили содержимое пакетов с изъятыми с места происшествия вещами, и посмотрели на Игоря, ожидая доклада.

После его недолгого рассказа Сорокин спросил:

– И кто же тогда этого мужика грохнул? Ни гильз, ни оружия, ни следов. Как сам-то думаешь?

Игорь неуверенно предположил, что может кто-то, поджидал на полянке, а после убийства забрал документы и телефон и скрылся в лесу.

– А туда прилетел и оттуда смылся по воздуху, как Карлсон? – пошутил начальник полиции Кустов, – и зачем убитому было сворачивать с дороги в чашу?

– Да глупости, – вмешался Мещанов, – просто некачественно осмотрели местность, опыта не хватило или торопились. Вот и нет результатов. А в таких делах спешить не надо. Скорее всего, убийца или убийцы сидели у убитого в машине. А значит, были знакомы, и он им доверял. Под надуманным предлогом, например, захотели в туалет, попросили завернуть на полянку, потом вышли из машины и стрельнули через открытое водительское окно. Забрали документы и телефон и пешком вернулись на трассу, где их ждала вторая машина. Вот и весь ребус. Нужно срочно организовать поиски второй машины.

Сорокин, подумав, возразил,

– Вряд ли так. От трассы до машины по протоколу расстояние 260 метров. Далековато для заезда в туалет.

– Хорошо, а если его под пистолетом заставили туда ехать? – настаивал Мещанов.

– Как её искать, эту вторую машину, если она действительно была? Время мы не знаем, направление движения не знаем, что за машина тоже не знаем, – посетовал Кустов.

Сорокин на это сказал, что нужно изъять видеозаписи с постов и на въезде в город, и на трассе в сторону Москвы за последние сутки. И добавил, обращаясь к начальнику полиции:

– Ты давай пошли своих ребят, а то Игорю и так до ночи сидеть с бумажками. Нужно возбуждение дела оформить и спецдонесение в областное следуправление успеть напечатать.

И уже повернувшись к Игорю:

– Допроси этого Иванова, что труп нашёл, и дуй в следотдел, я позже приеду.

– Может этого Иванова у нас придержать, пусть сутки посидит, подумает, гляди чего и вспомнит? – предложил Кустов.

– А за что? Никаких законных оснований нет, – засомневался Сорокин.

– За что, за что? Не знаешь, что ли? По беспределу. Задержим за то, что матом во дворе ругался, а в камеру к нему человечка сунем, – продолжал искушать Кустов.

– Я всего этого не слышал, – заявил Мещанов, – и, вообще, мне пора, поеду докладывать.

С этими словами Мещанов ушел. Игорь тоже поднялся со стула, ожидая решения о судьбе Иванова, которого ему было просто жалко.

Сорокин, почувствовав настроение Игоря, сказал Кустову:

– Давай не будем горячиться. Не тот это случай, да и следовательно против, так ведь?

Игорь кивнул и вышел во двор райотдела. Иванова он увидел на скамеечке у ворот.

Несмотря на повсеместную борьбу с курением, скамеечка эта заядлых курильщиков выручала. Над ней кто-то приделал самодельный навес из кровельной жести, а спереди вкопал ведро с бурой водой, в которой плавали бычки.

Петрович покорно сидел, ожидая, когда к нему будут вопросы. Корзинки он поставил возле себя, и эти шедевры лозоплетения оказались совершенно неуместны на пыльном казённом дворе.

В своём уединении Петрович снова попробовал перекусить, достав из кармана хлеб. Перед ним, словно из ниоткуда, возникла пёстрая собачка, одно ухо которой забавно стояло торчком, а другое свешивалось, почти закрывая глаз. Местная эта собачка, глядя на хлеб, просительно приподняла переднюю лапку. Петрович, хотя и сам голодный, собачке улыбнулся и половинку отломил. Собачка подержала кусок чёрного хлеба в пасти, затем выронила его в пыль, понюхала, есть не стала и удалилась. Петрович чертыхнулся, но поднимать кусок не стал, доел, что осталось. Тут подошёл молодой парень, что приезжал в лес, и позвал с собой.

Игорь привёл Петровича в свободный кабинет на втором этаже, достал из папки бланк допроса и начал писать. Петрович устал за этот суматошный день, все его ощущения притупились. Себя он видел, как бы со стороны, и ему казалось, что всё происходит не с ним. Но он старательно отвечал на вопросы, а потом под диктовку следователя написал внизу листа, что протокол прочитан лично и с его слов записан правильно. Но внимательно написанное Петрович не читал. Потому что без очков он не очень разбирал чужой почерк, да и просто стеснялся не доверять этому, тоже уставшему, парнишке.

Игорь, помещая протокол в папку, поинтересовался, как Петрович доберётся до своей деревни.

– Да как теперь доберёшься? Последний автобус из Калашина ушёл ещё в пять вечера, а сейчас вон на часах восемь. Да и денег нет, я же в лес направился, – поделился проблемами Петрович.

И только в этот момент, впервые за день, он понял, что никакой заветной полянки у него больше нет. И дело теперь не в Жеке, а в том, что слишком много людей про неё узнали. И у них есть машины. А с дороги туда заехать раз плюнуть. Да и после этой машины с мёртвым мужиком, будь она неладна, прелесть волшебной полянки как-то утратилась.

Петрович, невесело задумавшись, притих.

Игорю стало жалко своего немолодого свидетеля. У него самого тоже весь день наперекос. Вспомнились и свои, недоделанные из-за выезда, дела. А их немало, и никто другой их за него не сделает.

Игорь набрал в мобильном телефоне номер начальника угрозыска Куницына и решительно начал:

– Женя, помощь твоя нужна! Тут нужно Петровича, ну, свидетеля Иванова, в Стеблево доставить, выручай!

Куницын начал вяло уклоняться от дополнительной заботы, а потом вдруг сообразил:

– Знаешь, у меня Ковтун, участковый тут завис. Ему всё равно в те края ехать. Давай, присылай деда. Ковтун его отвезёт.

Игорь объяснил Петровичу, как найти кабинет Куницына и тот, поблагодарив и попрощавшись, ушёл.

Игорь откинулся в кресле и посидел с закрытыми глазами, а потом резко встал и отправился в следотдел строчить бумажки.

Освободился он поздно и пешком пошёл домой. Уже совсем стемнело. Кое-где сквозь листву проглядывали уличные фонари, которым удавалось осветить только небольшой пятючок вокруг столба. Игорь любил ходить этим привычным путём. Особенно хорошо было в начале лета, когда цвели липы, двумя тесными рядами, стоящие вдоль всей асфальтированной дороги. Аромат липового цветка волной накрывал проходящего у дерева, а потом немного ослабевал, пока не поравняешься со следующей благоухающей кроной.

Идти до дома приходилось минут двадцать. По совету Куницына Игорь снимал однокомнатную квартирку в одноподъездном доме о двух этажах. Его жильё располагалось на первом.

Стоило это недорого, тем более что на службе выплачивалась небольшая компенсация за этот наём. Арендодатель, тётя в годах, обитала в оставшемся от родителей обширном доме, на окраине города у реки, где под рукой и сад, и огород, и лугovina для гусей и уток. Свой небольшой доход от квартиры и львиную долю пенсии она посылала своей непутёвой, по её же словам, дочери, куда-то на Украину.

Освещения в подъезде не имелось. Игорь поначалу вворачивал лампочки, но они сразу исчезали. Он сначала было пошёл на принцип, и покупал, чуть ли не через день, новые. Но и они исчезали. Стало понятно, что в таком темпе следовательский оклад не выдержит покупку даже сорокаваттных осветительных приборов. Игорь сдался и теперь находил замочную скважину в темноте просто наугад, научась это делать в одно движение руки, чем даже втайне гордился.

Игорь родился и вырос в Москве, там и сейчас жили родители и младший брат. Там был его настоящий дом. Игорь проучился пять лет на юрфаке, отслужил в армии и никак не планировал куда-то уезжать из родного города, но оказалось, что вакантных должностей следователей в главном управлении следственного комитета по Москве нет, а в области нашлось место только в Калашине. Игорь согласился и сейчас не жалел. Как-никак он устраивал свою судьбу сам, без покровителей и поддержки, если не считать небольшие суммы от родителей, которыми он затыкал бреши в своём бюджете.

Правда, в Москве оставалась Ирина, с которой дружили ещё в школе. Эти чувства переросли в любовь, которая уже год подвергалась испытаниям из-за ста пятидесяти разделяющих их километров. Выручала пока мобильная связь. Они переписывались по несколько раз день, но сегодня для смс было уже поздно.

Игорь просто завалился спать без всяких сновидений, установив будильник в телефоне на семь утра.

5

В светлом сосновом лесу недалеко на запад от Москвы на исходе этого знойного летнего дня дышалось как-то особенно легко.

Небольшой коттеджный посёлок умело расположили у кромки небольшого лесного озера, от которого в этот поздний час исходила ощутимая свежесть.

Несмотря на близость воды, комары не досаждали. Может быть, им препятствовал смоляной запах сосен, а вернее всего тот химический состав, которым люди в противогазах каждую неделю обрабатывали прибрежную осоку.

Такие тонкости уходили от внимания немногочисленных обитателей посёлка.

Главы семейств по утрам на лимузинах с персональными водителями отправлялись в Москву руководить компаниями и банками, возвращаясь только к позднему вечеру.

Их жены на изящных машинках к середине дня упархивали по своим важным косметическим делам или на шопинг. Детки под присмотром нянек выпасались на разноцветной игровой площадке, а тех, что постарше отвозили или в школу, или на спортивные занятия.

Словом, хорошо текла жизнь. Гладко.

Растаявший в дневном солнечном пекле мегаполис оставался где-то в отдалении. Выхлопные газы, сутолока метро и плотные людские потоки, конечно, существовали, но это там, далеко, где этому и положено быть.

В это беспокойное море приходилось ежедневно нырять, чтобы заработать деньги, продвинуться, преуспеть.

За это преуспевание мегаполис исправно поставлял в посёлок снедь в красивых упаковках, нарядные бутылочки и прочие гастрономические радости, словом всё то, что нужно для правильного отдыха и восстановления затраченных сил.

Да и, слава Богу, что отдыхать стало можно здесь, у себя. Немыслимо же каждый день улетать на Ривьеру или к Женевскому озеру. Не налетаешься, да и не поймут.

Так что этот самый правильный отдых и протекал сегодня в усадьбе главы финансовой корпорации Валерия Анатольевича Черкасова.

Приглашенными на суаре оказались две соседские семейные пары. Жена Черкасова развлекала их разговором под лёгкие закуски и тяжелые напитки. Компания расположилась под навесом у бассейна, откуда доносился оживленный разговор и иногда слышался смех.

Сам Черкасов, принеся тысячу извинений и сославшись на неотложные дела, коротая время до ужина, посиживал в глубине балкона второго этажа. По правде говоря, дел у него не было, просто хотелось посидеть одному, поцеживая виски и покуривая гаванку. Другие сигары Черкасов отвергал, хотя внятно объяснить почему, вряд ли бы смог.

Кубики льда мягко позванивали в широком хрустальном стакане, на кончике сигары постепенно образовывался плотный цилиндрок серого пепла, и мысли уходили в какие-то неожиданные, но приятные сферы.

Видимо на Черкасова так синергически, говоря модными словами, действовали алкоголь и никотин.

Усмехнувшись про себя, он вспомнил, что у Чехова для обозначения таких состояний применялось выражение «парить в эмпиреях».

Взор Черкасова упирался в сгущающуюся синеву неба. На темном фоне контрастно выделялись легкие белые облачка, нижний край этой идиллической картины оттеняли почти чёрные зубцы верхушек сосен. Лёгкие, слегка ощутимые, движения вечернего воздуха доносили смоляные запахи и слабые шорохи окружающего дом леса.

Но напрасно, в оправдание своего отсутствия, он сослался на вымышленные дела. Дела его и настигли. Сначала он услышал звук подъехавшей машины. При этом звонков от охраны

посёлка с вопросом: «Пускать, не пускать», не поступало, значит приехал кто-то из своих. Потом вошла горничная, и сообщила, что приехал начальник его службы безопасности Сергей Гапоненко.

– Он что позвонить не мог? – пробурчал недовольный Черкасов, – ладно, зови его сюда.

Всё очарование вечера улетучилось, как сигарный дым. Во рту остался только горьковатый торфяной привкус недешёвого виски.

Гапоненко вошел на балкон и, повинуясь жесту шефа, расположился в кресле, напротив.

– Ну и ...? – Черкасов приложился к стакану, не предлагая выпить Гапоненко.

Гапоненко выпрямился в кресле, слегка наклонился к Черкасову и начал говорить:

– В общем, всё пошло не так. Эти придурки только недавно со мной связались. Короче, они в него стреляли, но тот дал по газам и уехал. Его «Гелендваген» они не нашли. Поэтому флешку забрать не удалось.

– Так он живой?

– Не знаю, выясняем. Утром получу более точную информацию. Мы все свои связи в органах и у братков задействовали.

– Гапоненко, это прокол. Это твой косяк и ничей больше. Где ты этих горе-стрелков откапываешь только? Смотри, чтобы никто ничего не вякнул. Все давай, не расслабляйся и своих всех напряги. Жалко гости у меня, а то я тебе долдону проще бы всё объяснил. Давай, топай.

После ухода Гапоненко Черкасов обнаружил, что сигара погасла и теперь издавала злобное табачной зола, лед в стакане растаял, и образовавшаяся там желтоватая водица больше не щекотала нёбо и не радовала.

Вечер оказался совершенно испорчен, а проблем добавилось.

6

Следующий день погодой не порадовал. С утра сеял меленький дождичек, обещая затянуться до вечера. Сразу похолодало.

В помещениях морга и в солнечные дни особенного уюта не было. На полу и стенах тусклая голубая плитка, окна до половины закрашены белой краской. Известковая побелка на потолке в желтых кругах от постоянных протечек.

Яркая лампа над секционным столом освещала место работы Реброва, который привычно орудовал хирургическими инструментами.

Игорь стоял чуть поодаль, держа в правой руке диктофон. Хотя все происходило с его участием далеко не первый раз, его поколачивала какая-то нервная дрожь, и ладонь взмокла от пота.

Он внимательно слушал комментарии Реброва, машинально приближая к нему диктофон в начале каждой реплики.

У Игоря на плечах красовалась белая больничная накидка. Даже его небольшой опыт уже научил прикрывать свою одежду от тяжелых запахов секционной. Иначе пару дней будешь так благоухать, что это парфюмерное решение обязательно оценят окружающие.

Ещё опытные люди советовали закурить, если уж совсем не вмоготу, когда труп лежалый. Но Игорь, как некурящий, прибегал к этому способу защиты редко.

Ребров, обычно смоливший сигареты, на вскрытиях применял папиросы, мундштук которых позволял прикасаться к ним в заляпанных трупной кровью резиновых перчатках. Ребров при этом утверждал, что папиросы изобрели золотоискатели на Аляске, чтобы при курении не прожигать рукавицы.

Игорь всем этим рассказам Реброва не очень-то верил, зная склонность того к розыгрышам, но и не спорил попусту.

Ему вдруг стало понятно, что его внутренне потревожило, придавая действию, в котором он участвовал, горький характер полной обречённости и безысходности. Внешне, казалось бы, ничего не нарушало обыденности: врач в белом халате, стол, бестеновой операционный светильник. Даже обнажённый пациент, хоть и неживой, вписывался в картину медицинского заведения.

Единственное, что выпадало из общего ряда – груда окровавленных железяк в лотке с облупившейся эмалью. Они лежали навалом, вперемешку, некоторые со следами ржавчины. Рука Реброва уверенно выбирала нужный, а один раз он даже двумя ловкими движениями подточил на замызганном брусочке огромный скальпель.

Врачебная наука много веков осознававшая аксиому асептики, возводящая в религиозный градус стерильность инструментов и материалов, имеющая десятки способов размыывания рук хирурга перед операцией, здесь, тоже, по сути, в медицинских стенах, вдруг отбрасывала все эти сложные церемонии по отношению к человеку, пересекавшему грань. И это ставило точку. То, что происходило дальше с его телом, уже управлялось иными моральными и профессиональными установками.

Из задумчивости Игоря вывел Ребров, показывавший на вскрытой грудной клетке, направление раневого канала. Стальной зонд упёрся в позвоночник, где и обнаружилась пуля. По виду девять миллиметров, со сферическим концом. От обычного штатного боеприпаса к пистолету Макарова или другим огнестрельным устройствам, рассчитанным на такой патрон. Пуля практически не деформировалась от удара о кость, видимо её кинетическая энергия исчерпалась при проходе через слои одежды и мягкие ткани. Тем лучше для экспертов при идентификации ствола. Только вот как его найти этот ствол?

Это уже задача Игоря. Ребров положил пулю в пакет и передал следователю, стащил печатки и вышел из секционной, предоставив санитару зашивать труп.

Игорь пошел за ним следом. Ребров уже развалился в кресле и затянулся сигаретой. Молодая лаборантка с пышными формами поставила перед ним кружку растворимого кофе, аромат которого вернул Игоря к действительности.

– Тебе кофе или чай? – гостеприимствовал Ребров.

– Да ничего не охота, давай лучше по делу, когда ждать твоё заключение?

– Дай дней десять – двенадцать, когда будут готовы гистология и химия, тогда и напишу. Но никаких сенсаций не жди, всё очевидно. Выстрел был один. Этот парень, скорее всего, был в машине, левая рука на руле. Окно видимо открыто. Входное отверстие в левом боку. Сердце цело, но задета крупная артерия, поэтому возникло сильное внутреннее кровоизлияние, а смерть наступила минут через пятнадцать – двадцать. Он некоторое время мог совершать активные действия, например, управлять машиной, если конечно от болевого шока сразу не наступила потеря сознания. Время смерти примерно шесть-семь часов от момента обнаружения, то есть накануне, за час-два до полуночи. По внешнему виду судя, мужик ухоженный, тренированный, как ты видел, ни шрамов, ни татуировок. Запаха алкоголя от внутренних органов и от мозга я не почувствовал, но точнее, как и по употреблению наркотиков, скажет химанализ. Полицейский криминалист его дактилоскопировал. Генетический материал я отобрал. Вот и всё. Тут наука закончилась, дело за твоей дедукцией. Мне и самому стало интересно кто он, и кто его грохнул.

В этот момент в кабинет зашёл начальник угрозыска Куницын, слышавший завершающие слова. Он быстро пожал Реброву и Игорю руки и бодренько сообщил:

– Сейчас всё и выясним. Помните, в машине документы нашли на имя Вишневецкого. Ребята мои ночью поработали и установили его телефон. Я с ним созвонился, всё объяснил и вызвал к нам. Он с утра и приехал.

– Ну, ты молодец, давай его сюда, сейчас опознание произведём, – оживился Игорь.

Вишневецкий оказался грузным пожилым мужиком с барской осанкой и величественными повадками. Он назвал своё имя – Эдуард Витольдович – и согласился посмотреть убитого. После чего его направили в секционную, где, передвигаясь весьма степенно, он обошел стол, держась подальше от мёртвого тела и, молча, вернулся в кабинет Реброва.

Тот предложил ему стул и на выбор: нашатыря или валерьянки. Вишневецкий, уловив нетерпение Игоря и Куницына, от допинга отказался и поведал, что убитый – это его заместитель Садаков Александр Михайлович.

Правоохранители синхронно выдохнули, стараясь не обнаруживать радостного облегчения от того, что личность жертвы установлена.

Расстроенный Вишневецкий продолжил:

– Мы вместе довольно долго работаем, точнее, работали. Но отношения сложились чисто служебные. Все анкетные подробности можно получить у нас в отделе кадров. Компания наша называется «Ассоциация финансового консультирования». Насколько я знаю, Садаков человек одинокий. В Москве у него квартира, есть и дача. Но я у него никогда не бывал и адресов не знаю. Всё можно уточнить у коллег. Ума не приложу, кто и за что мог убить Александра Михайловича. Ни про конфликты, ни про угрозы я никогда ничего не слышал. Машина действительно оформлялась на меня, но принадлежит компании, и постоянно ею по доверенности пользовался Садаков.

Игорь проворно вытащил бланк протокола допроса свидетеля и, памятуя, что ковать железо нужно пока горячо, начал расспрашивать о характере работы Садакова и круге его общения.

Понимая, что лучше не мешать, Ребров отправился на очередное вскрытие, а Куницын – покурить на улице у входа в морг.

Вишневецкий, сообразив, что его визит затягивается, начал канючить:

– Вы знаете, я никогда в такой обстановке не бывал, у меня давление скакнуло и вообще самочувствие плохое. Я ни разу не видел убитых и тем более Александра Михайловича, и тем более в голом виде, поэтому убедительно прошу перенести нашу беседу на другое время.

Игорь пропускал сетования Вишневецкого мимо ушей и упорно записывал в протокол его слова.

Тут, как на грех, Игорю позвонил руководитель следотдела Сорокин и велел в 14 часов прибыть к нему в кабинет на оперативное совещание. На слова Игоря, что как раз сейчас идёт допрос свидетеля по делу об убийстве, Сорокин рявкнул:

– Я два раза повторять не буду! Прерви допрос, вручи повестку на завтра и быстро в отдел!

Игорь с досады чертыхнулся, показал Вишневецкому где расписаться и отпустил его с миром.

До совещания оставалось всего четверть часа, поэтому Куницын согласился подбросить Игоря. Ехать до следственного отдела было недалеко, и толком обменяться соображениями по дороге не удалось. Тем более что Игорь больше помалкивал, погрузившись в свои мысли и стараясь догадаться, что вызвало такой срочный сбор.

7

– Климов, ты, как обычно, в последнюю минуту, – Сорокин уже восседал во главе длинного стола для совещаний, который совсем недавно установили в его кабинете.

По обеим сторонам стола уже разместился почти весь следственный отдел. Заместитель руководителя Петрова, старейший на всю область следователь Белов, и следователь-криминалист Горячкин сидели по левую руку от начальства, а по правую – следователи Петька Величко и Зиночка Дементьева. Два стула на этом фланге пустовали. На один из них и приземлился Климов, успев пробормотать в сторону Сорокина:

– Разрешите присутствовать?

Ответа он не получил, потому что открылась дверь, и в кабинет вошёл высокий худощавый мужчина в хорошем сером костюме и дорогих ботинках.

Эти ботинки Игорь сразу про себя отметил. Его вчерашние туфли после встречи с сырой полянкой пришлось выбросить, и сам их бывший хозяин пребывал в кроссовках и джинсах.

Увидев мужчину, Сорокин встал и вытянулся, а за ним и остальные, хотя и вразнобой.

Тот решительно прошёл к началу стола, проведив с усмешкой:

– Вольно, не напрягайтесь, – и уселся на место Сорокина.

Сорокин проворно ногой подтянул для себя стул от стены и уселся с бочку.

– Я заместитель руководителя убийного отдела из областного главка. Полковник юстиции Алексей Васильевич Зинченков, – мужчина говорил, не повышая голоса, но какая-то нервическая нотка в его речи ощущалась. Он обвёл собравшихся строгим взором и продолжил:

– Принято решение дело об убийстве передать в наш отдел. Я принимаю дело к своему производству. Все следователи Калашинского следственного отдела включаются в мою следственную группу. Постановление нужно будет подготовить вам, майор Сорокин. Кстати, все присутствуют?

Сорокин, опешив, поперхнулся и выпалил:

– Все. То есть, нет, не все. Следователь Раджабов с утра уехал в следственный изолятор, там связи нет. Не смогли оповестить. Остальные все здесь. Но, Алексей Васильевич, у каждого по три – четыре дела в производстве, у заместителя Петровой и то два. Кто же их расследовать будет, если в вашу группу их включить?

– Это ваша забота, вы руководитель отдела и обязаны это обеспечить. Тем более что преступление совершено на вашей земле, и его необходимо оперативно раскрыть. Никто от работы по своим делам не освобождается. И имейте все в виду: до полного раскрытия суббота – рабочий день. Кто не справится с планом на день, выходите на службу и в воскресенье. Это не возбраняется. Не надо кислых физиономий, отдыхать будем на пенсии. Поставлена задача дать результат в ближайшие дни, крайний срок одна неделя. Криминалисту отдела поручаю систематизировать материалы дела и набросать проект плана расследования. Остальной группе: произвести задержание лица, нашедшего труп, и провести тщательный обыск в его жилище. Организовать повторный осмотр места происшествия с применением металлоискателей и кинолога с собакой. Допросить возможно большее число лиц, знавших убитого при жизни, и постараться выяснить мотив преступления. По итогам исполнения проведём совещание сегодня в восемь вечера. Предупреждаю, что за неисполнительность будем привлекать к дисциплинарной ответственности. Майор Сорокин, распределите людей, я возвращаюсь в Москву. За делом закреплена группа оперативников областного ГУВД, нужно поставить им задачи, – договорив, Зинченков поднялся.

За ним неуверенно поднялись ошарашенные начальственным напором участники совещания.

Зинченков направился к дверям, но вдруг развернулся и продолжил:

– Прошу всех следить за своим поведением и поменьше болтать. Прославили отдел на всю Россию. Уже в интернете ехидничают, что в Следственном комитете жокеи завелись, а вместо рысаков – полицейские.

– В каком это смысле? – растерянно протянул Сорокин.

– В самом прямом, товарищ майор, откройте интернет, полюбуйте, – отрезал Зинченков и вышел.

Все так и стояли столбами, один Сорокин побежал к компьютеру и через мгновения начал бешено материться. Тогда все сгрудились за его спиной, и Игорь к своему ужасу увидел на экране вчерашнюю переправу через лужу верхом на полицейском сержанте. На служебном жилете Игоря явственно читалась надпись: «Следственный комитет». Это паршивые репортёры всё-таки отомстили за своё унижение.

Когда Сорокин утих, все, вздыхая, опять расселись за столом. Игорю Сорокиным была обещана весёлая жизнь и соответствующая нелестная аттестация. Потом Сорокин всё же переборол эмоции и нарезал задачи. Величко выпало повторно осматривать лес, Дементьевой и Белову устанавливать круг знакомств убитого, Горячкину и Петровой писать план расследования и постановление о создании группы, а Игоря послали задерживать и обыскивать Иванова.

Под ворчание коллег, в растрёпанных чувствах, и жалея себя за невезучесть, Игорь отправился к себе в кабинет и машинально собрал нужные бланки для задержания и обыска. А потом по телефону уговорил Куницына помочь и стал дожидаться полицейскую машину.

Игорь проработал следователем уже почти год. Случалось, его поругивали за ошибки. Это неизбежно, потому что ошибки он, иногда по незнанию, действительно совершал. Но сегодня незнакомый чужой человек, который в строгом смысле и начальником им не был, безапелляционно распоряжался ими, унизил на глазах у всех Сорокина, да и над Игорем с этой переправой через лужу едко поиздевался.

Пускай этот полковник супер-следователь, пускай заслуг у него выше крыши, но видеть в своих коллегах из райотдела пешек, а тем более подчеркивать своё к ним пренебрежение, это как-то некрасиво. Служивцев своих Игорь знал. И знал, что при всех человеческих недостатках, они честно работают и добиваются нужных результатов. А может быть, полковник это сделал специально, чтобы как говорят «взбодрить», заставить расшевелиться? Такой тип руководителей Игорю хорошо был знаком по армейской службе. Но всё равно. По отношению, например, к Белову, такой приёмчик выглядел просто непорядочно...

8

Машина приехала быстро. За рулём полицейского «Форда» сидел сам Куницын, ему не терпелось узнать о прошедшем совещании. Рассказ Игоря его огорчил. Куницын бегал в операх уже лет десять, а последний год возглавлял уголовный розыск и прекрасно понимал, что подключение к расследованию «высших» сил, ничего, кроме неприятностей, им не принесёт. Придётся писать кучу бумаг, делать ненужную работу, которая своим объёмом создает у начальства уверенность, что процесс управляем и цели достижимы. А, уж в случае неудачи, то же самое начальство будет свято уверено, что оно все организовало как надо, а дебилы – подчинённые, как обычно, обделались.

Этими мыслями Куницын, не сдерживаясь в выражениях, поделился с Игорем, и при этом так распалился, что проморгал на дороге несколько колдобин подряд и бедная легковушка, вваливаясь в них по правым, то левым колесом, содрогалась всеми своими сочленениями. От этого Куницын разозлился ещё больше, и, чтобы и дальше не срываться на Игоре, мрачно молчал.

Игорь судорожно цеплялся то за приборную доску, то за ручку на двери, чтобы не удариться головой при резких толчках.

Куницын, заметив это, ухмыльнулся, но поехал медленнее.

Игорь с тоской думал, как он посмотрит в глаза Иванову, когда будет задерживать. В том, что этот дед не лукавил, ему ясно. И тогда, в первый вечер, он был против задержания, и сейчас то, что предстояло, было ему не по душе. Но возразить на совещании при том резком молодом полковнике он не решился и теперь мучился, виня себя в малодушии.

Молчание прервал Куницын:

– Слушай, Игорь, ты осмотр «мерседеса» на стоянке уже делал?

– Не успел, думал сегодня после обеда, да вот новые задачи поставили, – оправдывался Игорь, – А почему ты спросил?

– Да знаешь, я утречком ещё раз эту тачку обошёл и обнаружил одну интересную штучку. Сзади слева на пластиковом бампере есть дырка, похоже, что от пули, а снизу на металле свежая глубокая царапина. Вот и смекай.

– Женя, выходит, стреляли два раза, и второй выстрел просто по машине, – сообразил Игорь, – И что из этого выходит?

Куницын поучительно поднял вверх указательный палец и изрёк:

– Выходит, что стреляли сначала в водителя, а потом вдогон машине и попали в бампер. Потому, что представить, что происходило наоборот сложно. Ты, например, представляешь лоха, которому выпалили в корму, а тот остановился, опустил стекло и ждал, пока ему влепят в бок девять граммов?

– Как же мы эту дырку в бампере там, на месте, при осмотре не заметили? – огорчился Игорь.

– Обычное дело, смотрели-то все, в основном, на труп. Трава на полянке по пояс, просто не заметили, хотя это нас, конечно, не извиняет: проморгали, – уже примирительным тоном продолжал Куницын, – но отсюда следует важный вывод, стреляли в машину не на полянке, а на трассе. Сначала в водилу, а потом вдогон и попали в бампер.

– Точно... – протянул Игорь, – и судмедэксперт допускает, что после причинения смертельного ранения Садаков мог совершать активные действия. Например, проехать какое-то расстояние. Но тогда ещё один вывод – стреляли не на ходу. Садаков остановился на трассе и опустил боковое стекло. Вопрос: почему он так сделал?

– Тогда итожим, – Куницын рубанул ребром ладони по баранке, – его остановили на трассе под каким-либо предлогом, типа помочь кому-нибудь в заглохшей машине, и расстреляли.

– Или, что похуже, убийца был в форме дорожной полиции, – договорил за Куницына Игорь, поэтому надо постараться найти место нападения на трассе.

Выговорившись, оба замолчали, а между тем на дороге показался поворот с указателем «Стеблево». Туда и повернули.\

9

Дорога к деревне была мало пригодна для современного транспорта с низкой посадкой. Несколько раз по днищу зловеще проскрежетали выступающие из дорожного полотна непонятные глыбы. Но обошлось. В самой деревне пошло полегче. Там колея пролежала просто в песке.

Куницын спросил у проходившей женщины, где живёт Иванов, та молча ткнула рукой в крайнюю избу и заторопилась прочь. Куницын крикнул с досады на такое, скажем мягко, хам...дамское поведение и направил машину к калитке Иванова.

Игорь и Куницын выбрались из салона, распрямляя спины, затекшие от долгой дороги, и подошли к ограде. Куницын профессионально высматривал, нет ли собаки. Он уже не раз убеждался, что слова «полиция» и красная книжечка на псов не всегда действуют и иногда это приводит к печальным инцидентам, свидетельством чему были два шрама на его левой голени. Но собаки не было, и Куницын сразу успокоился.

Зато имелись кошки. Одна взрослая и по бокам два котенка сидели, как изваяния, на крыльце и рассматривали приезжих. Игорь успел их заметить, но потом взглянул под ноги, чтобы не споткнуться на неровной дорожке, а когда поднял глаза, никакой живности на крыльце уже не наблюдалось. Маленькая стая бесшумно растворилась в густых кустах, обступающих дом.

Небольшой домик, явно почтенного возраста, недавно умело подновили. Нижние звенья брёвен светились свежей древесиной, и опирались на высокий бетонный фундамент. Свежевыкрашенные охрой оконные наличники ярко выделялись на серо-серебристых простых бревенчатых стенах и подчёркивали сочную зелень обступающих дом кустов и деревьев.

Куницын, шагая к дому, мимо кустов чёрной смородины, теснящихся к дорожке, не преминул направить в рот горсть спелых ягод. Он постучал в окошко и, поднявшись на крыльцо, громко крикнул внутрь дома через приоткрытую дверь:

– Хозяева есть?

Никто не ответил, тогда Куницын, положив для верности, правую ладонь на пистолет, висящий на широком поясе в кобуре, состоящей всего из двух ремешков, и за это прозванной среди полицейского люда «босоножкой», шагнул внутрь.

Игорь ждал его снаружи. Куницын быстро вышел и, наклонившись к Игорю, прошептал:

– Слушай, никого нету, но вещи разбросаны и на полу, похоже, капли крови. Чего-то здесь не так. Давай к соседям.

Они вернулись к калитке. Рядом с милицейской машиной уже стояла невысокая бабушка в белом платочке и солдатской камуфляжной куртке. Синие спортивные штаны с белыми лампасами она заправила в шерстяные домашней вязки носки, а на ноги нацепила глубокие галоши, какие любят носить в Средней Азии. Из-под толстых стёкол очков местная жительница внимательно рассматривала непрошенных гостей.

Поодаль настороженно сидел здоровенный кобель, в предках которого явно числились волкодавы.

Куницын при виде пса притих и держался позади Игоря, который поспешил представиться.

– Вы документы свои покажите, – потребовала бабушка и протянула руку, в которую правоохранители вложили два удостоверения. – Понятно, кто вы такие, – документы возвратились к хозяевам. Безо всякой паузы она продолжила:

– Значит так, нонеча утром, в десятом часу, сюда, к дому, подкатила машина. Городская, чёрная. Назад колесо довшено. Вышли двое молодых, морды наглые, сами стриженные коротко, прямо как бандиты из сериала. Ну, прошли в дом к Петровичу. Тихо всё было. Полчаса не прошло, они из дома выбежали, в машину сели и укатили. Я на грядках копалась, не

знаю, сколь времени прошло, только слышу Муська, это у Петровича кошка, как-то истошно мурлычет, ну я и пошла глянуть. А Петрович в доме на полу, сам в крови и без сознания, а кругом все его вещи разбросаны. Я скорее к Матвеевне, это соседка наша с той стороны. Позвонили в скорую, правда они быстро приехали, и Петровича забрали. Вот и всё.

– А больше ничего не заметили? – робко поинтересовался Куницын.

– Номер машины ихней: 153 ТАМ, – а больше ничего такого.

– Вам спасибо, – начал Игорь, – но нам нужно осмотреть дом, а вас я хочу допросить как свидетеля. Вы попросите Матвеевну и ещё кого-нибудь прийти, нам понятые понадобятся. Дом мы потом опечатаем, только вот кошек куда девать?

Бабушка принимала решения с ходу:

– Матвеевну и ещё кого я щас кликну, а котов покормлю, не сомневайтесь. Сейчас не зима, что им будет.

Через час Климов и Куницын уже ехали обратно. В доме ничего не обнаружили, правда, Куницын незаметно прихватил из чулана пару бутылок без этикеток. Что, конечно, не нашло отражения в протоколе. На вопросительный взгляд Игоря, Куницын таинственно поделился:

– Для опытов.

Над кем будут эти опыты, уставший Игорь даже не поинтересовался.

По дороге Куницын рассказал, что созвонился с райотделом. Действительно в начале двенадцатого был вызов «скорой». Иванова доставили в райбольницу. Подозревают перелом основания черепа, ну и два ребра сломаны. Он в реанимации, после снотворного спит. Разговаривать сможет только завтра.

Куницын как-то нехорошо усмехнулся и вдруг сказал:

– Знаешь, парень, если Иванова отбучкали по нашему делу об убийстве, то жди ещё всякого дерьма. Кто и как мог узнать, что Иванов нашел «мерседес» с трупом, и где он сам живет? Причем считай, за одну ночь. Знали о нём только ты и я. И потом, что такого ценного было в машине и пропало, раз начали калечить людей? Скажи ты мне это.

От слов Куницына всякая усталость у Игоря улетучилась, мозги заработали. Он сразу попробовал найти хоть какое-то объяснение:

– Может это совпадение? Избили за что-то другое. А вещи перевернули, так может деньги или ценности искали?

Куницын зло посмотрел на Игоря:

– Как же «совпадение». Ты тоже скажешь. Братки на крутой тачке в деревне пенсионера грабят? А отлупили, потому что самогонка не понравилась? Ты сам-то, веришь? Какие у него ценности могут быть, у деда? Кстати, номер машины этих гопников в информационных базах не числится, что тоже странно.

– Ты прав, конечно. Иванова жалко. Правда, сейчас уже сидел бы ИВС, все лучше, чем в реанимации. Только тогда грех был бы на моей совести, – печально согласился Игорь.

Куницын вздохнул:

– Это так, много чего у нас на совести. Иногда подумаешь, а не послать ли подальше эти заморочки, идти вон в охрану или трамвай водить. Только знаешь, когда вижу, сколько тварей людям жизнь портят, понимаю: на дембель мне пока рано.

Игорь согласно покивал, а потом предложил:

– Жень, давай проверим твою версию, что стрельба была на трассе, все равно до совещания времени навалом.

Куницын кивнул:

– А давай, хоть сами убедимся, правы мы или нет. Сейчас в сторону Москвы встанем, там на развязке развернёмся и потихоньку поедем к Калашину, повыбираем место для засады. Ну, от винта...

Так и поступили. Самое удобное место для нападения обнаружилось за полкилометра до поворота на полянку. Здесь шоссе, плавно поднимаясь, огибало раскинувшийся справа высокий лесистый холм. Значит, движение любой водитель невольно замедлял, и для тех, кто ехал бы навстречу, из-за изгиба дороги ничего видно не было бы.

В начале подъёма Куницын поставил на краю дороги свой «Форд» в полицейской раскраске, и для гарантии, дополнительно включил аварийную сигнализацию. Нужно было максимально обезопаситься от возможных лихачей.

Они оба побрели по обочине, выискивая возможные следы. Дело облегчалось тем, что после весны обочину и откос отсыпали песком, который ещё не успел зарастить сорняками.

Метров через пятьдесят обнаружилась истоптанная площадка со следами обуви и правых колёс автомобиля. Но песок здесь оказался насыпной и сухой, следы не отпечатались, а сохранились просто в виде ямок и желобков. Такие для идентификации использовать невозможно, зато там же лежали три довольно свежих окурка от сигарет «Мальборо».

Игорь начал фотографировать площадку на камеру мобильного телефона, а потом собрал в три полиэтиленовых пакетика окурки, аккуратно, не прикасаясь пальцами, а просто подцепляя краем пакетика. Это, с учетом возможностей генетической экспертизы, могло стать решающим доказательством. Игорь внутренне ликовал.

В таких делах, если везёт, так уж везёт – Куницын, ушедший ещё метров на двадцать вперед, тихо посвистел и махнул рукой, приглашая посмотреть. Игорь, подбежав к нему, на самом краю асфальта увидел расплюснутую колесами проезжавших по этому месту автомобилей гильзу от девятимиллиметрового патрона. А на песчаной обочине осталась бороздка от колес машины. Вот значит, где напали на Садакова.

Но и это ещё не всё. Чуть сзади на песчаном склоне откоса глазастый Куницын углядел вторую гильзу. И она была целехонька. Игорь такими же пакетиками подцепил оба вещдока. Генетические следы могли остаться и на них, но, главное, можно теперь подключать федеральную пулегильзотеку, а там точно скажут, засветился ли раньше экземпляр пистолета, в котором гильзы отстреляны.

Куницын, лицо которого просто порозовело от гордости за подтвердившую версию, протянул Игорю руку. Тот её с чувством пожал, его самого распирало.

– Ты смотри, Игорь, – Куницын параллельным взмахом рук обозначил кусок обочины, – предположим, здесь остановился Садаков и опустил стекло на передней левой дверце. Убийца стоял на дороге, лицом к Садакову, и выстрелил. Гильза из ПМ выбрасывается направо вверх и чуть назад, поэтому падает на проезжую часть. Там её расплюсчивает чьё-нибудь колесо и отбрасывает к обочине, где мы её и нашли. Садаков сразу не умирает, даёт по газам и срывается с места. Убийца делает вдогон ещё один выстрел. Но стоит он теперь правым боком к обочине, и гильза улетает на откос. Ну как тебе?

Игорь только развёл руками:

– Элементарно, Ватсон. Только теперь скажи: на фиг Садаков здесь остановился? И почему убийца, у которого наверняка есть машина, Садакова не догнал и не добил?

Куницын задумался только на минуту:

– Почему остановился Садаков? Точно сейчас не скажу, но, может, ты и прав был, когда говорил про форму дорожной полиции. А насчёт догнать, может, поехал следом и догнал на той полянке. Увидел, что Садаков мёртв, забрал, что хотел, и смылся. Устраивает такой расклад?

– Иванова тогда за что избили и обыскивали? – развёл руками Игорь, – что-то тут не срастается.

– Поработаем, срастётся, – заверил Куницын, – давай в машину, а то опоздаешь на своё совещание. Слушай, может, придержишь пока информацию про гильзы? Мне после истории с Ивановым стало неудобно.

Игорь покачал головой:

– Такой вариант не катит, меня потом просто повесят и будут правы. Да и с чего ты взял, что это у нас течёт информация?

– Ладно, не заводись, поехали. Но баллистику по гильзам и пуле из трупа назначай сегодня же, я дам человека, и материалы сразу отвезут экспертам в Москву, – посулил Куницын.

– Постараюсь, но я просто в составе следственной группы. Экспертизы назначает только её руководитель, но попробую убедить, ты, кстати, попозже заскочи, я протокол осмотра составлю, чтобы ты тоже подписал, – неуверенно сказал Игорь.

– Ладно, – согласился Куницын, – а я у себя ещё раз промотаю все записи с дорожной камеры за позавчерашний вечер, поищу нашего злодея.

Больше в дороге они не разговаривали, думая каждый о своём. Игорь старался в уме скомпоновать свой доклад на предстоящем совещании, понимая, что никакой информации в складывающейся ситуации ему утаивать нельзя.

10

За пять минут до начала совещания следотдел, на этот раз в полном составе, сидел за длинным столом. Озабоченный Сорокин судорожно перекладывал из папки в папку свои бумажки.

Ровно в восемь позвонил Зинченков и сообщил, что не приедет сам, но проведёт совещание по конференцсвязи.

Сорокин с готовностью произнёс:

— Да, да... — и включил внешний микрофон, расположив телефонный аппарат ближе к центру стола.

Строго говоря, закрытых от внешнего проникновения линий связи в отделе не установили, и предстояло общаться в открытом эфире. Все тайны следствия становились общедоступными. В тот момент это никому в голову не пришло, все уставились на телефон Сорокина как кролики на удава, ожидая неприятностей.

Но сначала шло гладко. Доложили, что материалы расследования систематизировали (Горячкин просто сложил всё в одну папку), это было Зинченковым одобрено.

Проект плана расследования на пятнадцати листах подготовили, и Зинченков попросил переслать его по электронной почте для изучения и утверждения. То есть этот пункт высочайших заданий тоже проехали благополучно.

Затем наступил черед Белова и Дементьевой. Они успели в Москве поработать в компании, возглавляемой Вишневецким, и доложили, что личное дело Садакова изъяли и теперь изучают. Кроме того, они разговорили нескольких сотрудников, и выяснилось, что он женился несколько лет назад, у него есть маленькая дочь. Но жена и дочь постоянно проживают в Испании, где у него какая-то недвижимость. Сам он туда регулярно летал. Значит, Вишневецкий либо этого не знал, либо соврал. О характере работы Садакова пока сведения самые общие, но продолжаем работать. Адреса московской квартиры и подмосковной дачи имеются, материалы на обыски в этих объектах передали в суд, завтра ожидается разрешение. Зинченков и этот доклад воспринял благосклонно и даже сдержанно похвалил за старание.

Дальше пошло труднее. Петя Величко постарался многословьем скрасить невесёлые результаты повторного осмотра полянки и даже начал рассказывать, какой окрас был у служебно-розыскной собаки.

Зинченкова это не умилило, и он жестко спросил, что собственно удалось обнаружить. Сказать «ничего» оказалось выше Петиных сил, и он промямлил, что на опушке, при помощи металлоискателя в земле обнаружили обойму с пятью патронами от немецкой винтовки «Маузер», но тут же добавил, что это явное эхо войны и к убийству Садакова касательства не имеет. Зинченков неожиданно вспылil, сказал, это ему решать, что именно имеет отношение к делу, и потребовал срочно назначить по этим патронам судебно-баллистическую экспертизу. А Пете велел назавтра продолжить осмотр, расширив зону поисков. Петя только кивнул головой сорокинскому телефону.

Наступил черед Игоря. Его сообщение, что Иванов в больнице, а не за решёткой, и в доме его никаких зацепок нет, окончательно вывело Зинченкова из себя, он начал орать:

— Климов, это вы некачественно осмотрели место происшествия, вы проявили неоперативность и не задержали Иванова в первые сутки, вы отпустили Вишневецкого без подробного допроса. Просто вы не созрели для самостоятельной следственной работы. Ваши огрехи теперь разгребать всему отделу. Так дело не пойдёт, объявляю вам замечание. Если не сделаете выводы, будете исключены из состава следственной бригады. Понятно?

— Так точно, — четко артикулируя, рывкнул Игорь, который по армейскому опыту знал, что при прилюдных начальственных разносах перечить бесполезно, только раззадоришь. Пытаясь

сгладить ситуацию, Игорь начал было докладывать, что при осмотре участка автодороги обнаружены две гильзы и три окурка, которые возможно связаны с преступлением и необходимо назначить генетическую и баллистическую экспертизы...

– Сорокин, этот осмотр дороги на сегодня запланирован? – прогремел Зинченков, и, получив отрицательный ответ, продолжил, – вы не контролируете своих следователей. Они вместо целенаправленной работы у вас окурки вдоль дорог собирают. Этим можно годы заниматься у нас в России. Там чего только не найдёшь, и гильзы в том числе. Дорожные хамы палят из травматик, а твои следователи потом подбирают их гильзы и натягивают корову на баню. Всё, тему закрыли. Буду докладывать старшим, что с организацией у вас в отделе есть проблемы, пусть решают. О проделанной работе представлять мне в конце дня письменный отчёт с указанием, что и кем сделано. Отчеты направлять на мой факс. Всё ясно? Вопросы есть? Завершаем совещание.

Зинченков отключился.

Сорокин осмотрел коллектив и гаркнул:

– Все свободны и ты, Климов, скройся с глаз моих.

Участники совещания, торопливо собирая со стола свои записи, потянулись к выходу.

Ушёл и Игорь. Сгоряча и от обиды он сразу не сообразил, что по сути сейчас из-за нервозности начальства отвергнута самая рабочая версия убийства. И выглядит его успех, а он уверен, что это успех, каким-то глупым мальчишеским самовольством.

Спустившись на первый этаж, он увидел, что Белов стоит у дверей своего кабинета, который был через один от кабинета Игоря и пытается открыть ключом дверь.

– Что Иван Иванович, проблемы? – поинтересовался Игорь.

– Да никак не прилажусь к новому замку, заедает что-то, – отвечал Белов, но в этот момент замок щёлкнул и дверь отворилась.

– Давай заходи, покурим, чаю выпьем, если не торопишься, – пригласил Белов.

Игорь, которому невольно было оставаться без собеседника, легко согласился, и пошутил:

– А куда мне торопиться?

– Ну, в твои годы лучше всего на свидание, или не к кому? – лукаво поинтересовался Белов.

– Есть к кому. Только ехать надо в Москву, а с новыми требованиями насчёт работы в субботу, придется отложить, – пожаловался Игорь.

– Да это ненадолго. Спадёт ажиотаж и съездишь. Слушай, как говорится, чай пьют богатые люди, давай лучше по рюмашке?

– А, давайте! – Игорь уселся было напротив Белова, но почувствовал, что сидеть так неудобно.

Белов испытующе посмотрел на Игоря:

– Ну, что, сообразил, в чём дело?

– Да, по правде, не очень.

– Да просто всё. К моему письменному столу торцом приставлен простой канцелярский, а у них одна из длинных сторон глухая, забрана сплошной панелью. Развёрнута она влево и стул возле неё стоит. На него ты и уселся, и почувствовал, что сидеть можешь только прямо, не развалишься на стуле и не повертись особо, а если что-нибудь написать или подписывать, нужно изогнуться влево, а всё это создает неудобство. Окно у меня за спиной и мою мимику ты плохо видишь, а тебе весь свет в лицо. Дверь у тебя за спиной, и нужно оборачиваться, чтобы посмотреть, кто вошёл. Дискомфорт, если хочешь.

– А зачем всё это?

– Ну, молодежь, всему вас учи. Сам посуди. Свидетель, он разный бывает. Одного разговаривать надо, помочь ему вспомнить детали. Тем более удовольствия от визитов к нам никто

не испытывает, и бывает это с большинством разок в жизни. Для такого свидетеля я стул размещаю справа, ноги он под столом расправит, дверь у него перед глазами, то есть никаких неожиданностей. За спиной стена, как своего рода опора, свет от окна в глаза не бьёт. И я не нависаю напротив, а как бы со стороны его поддерживаю. Ну и водички предложу, от нервов-то глотка пересыхает, если кто курит, тому закурить. Глядишь, и результат будет. Человек к тебе проникается, с ним, может, никто так давненько по душам не разговаривал. Люди это ценят и в суде потом со своих показаний не спрыгивают. А если припёрся козёл, который будет всеми силами злодея отмазывать, тому стул слева, со всеми вытекающими. Я ещё умышленно, в начале разговора, в его адрес какую-нибудь колкость подпускаю. Он ершиться начинает и со своих заготовок сбивается. Мне того и надо, пишу за ним коротко, сухо, вопросы неудобные записываю, глядишь, он своей цели и не достиг. Так-то брат. Видишь, у меня в кабинете один только стул не занят? На других папки, коробки, короче, барахло. Это не от неряшливости, а просто расчёт, тактика, если хочешь. Чтобы сидел пациент там, где я желаю.

– Ну и дела. У вас целая философия выведена.

– Не философия, нет. Это называется профессия. Или ты владеешь этим, или нет. Ладно. Не на лекции пришёл. Переставляй стул направо и сбегай к умывальнику, вот эти рюмки ополосни.

Из выпивки у Белова нашёлся дагестанский коньяк, из закуски домашние бутерброды с толстым слоем масла и докторской колбасой, горсть конфет «Му-му» и пара малосольных огурцов.

Первую, чокнувшись, выпили молча. Белов сразу разлил по второй, и, примолвив:

– За тех, кого нет, – опрокинул рюмку.

Игорь, с голодухи откусивший полбутерброда и не успевший его прожевать, чуть не подавился, но со второй рюмкой кое-как справился.

– Вот смотри, – начал Белов, – с детства помню, как родители собирались за столом, сам всю жизнь прожил и выпивал в компаниях, но не было того, чтобы перед рюмкой речи говорили. Ну, бывало на юбилей или, не дай Бог на похоронах, кто-то подлинней скажет, а так произнесут «за здоровье», да и накатят. А теперь, как в парламенте, от сотворения мира тосты произносить начинают, друг дружку восхваляют. Пусть и неискренне, но так принято стало, почему-то.

– Не знаю, я тогда не жил, – уклонился Игорь.

– Да ладно, проехали, давай следственный тост: «За успех нашего безнадёжного дела!»

– Почему безнадёжного? – не понял Игорь.

– Говорится так. Не нами придумано, не нам и менять. Пей, давай! – отрезал Белов.

Немного захмелев после третьей, Игорь заявил, что неправильно себя ведёт этот полковник, убийство они сами раскроют. Хоть и не хотел хвастаться, но про свои подвиги с Куницыным, не удержался, рассказал.

Белов, внимательно слушая, наклонил набок голову с аккуратным пробором, нахмурил седые брови и, не моргая, смотрел на Игоря, дожидаясь, когда тот выговорится. Дождавшись, кивнул головой:

– Правильно вы с Куницыным действуете. Ты сам держись, на эти истерики вождей не поддавайся. Я тебе сам это хотел сказать, но ты опередил. Давай теперь за тебя выпьем...

11

В это же время в неприметном особнячке, который спрятался за глухим забором в одном из изгибов старого московского переулочка, офисная жизнь шла полным ходом, словно стрелки вычурных электронных часов в холле приближались не к полуночи, а к полудню.

Кондиционеры работали на максимуме, но раскаленный город щедро отдавал накопленный за день жар, и техника не очень выручала. Несколько молоденьких деревьев перед входом защитой служить не могли.

Белые рубашки клерков в подмышках потемнели от пота. У многих проступила щетина. Аккуратные поутру мужские и женские прически несколько растрепались. Кофейные автоматы и кулеры с питьевой водой давно иссякли. Шел пятнадцатый час работы.

Аврал начался после обеда, но конца и края видно не было. В помещении кассы закрылись финансовый директор и главный бухгалтер, но что они там делали, скрывала коммерческая тайна.

Столоначальники осипшими голосами формулировали все новые и новые задачи.

Кипы документов стаскивали к нескольким шредерам и превращали в бумажную лапшу. Бумагожевалки захлебывались этим потоком и, под матюги референтов и менеджеров, аварийно выключались.

Офисные дивы неумело соскребали ножницами наклеенные на картонные папки листочки с названиями счетов и проектов и полученные лохмотья аккуратно складывали в общую кучу.

Всю макулатуру упикивали в черные пластиковые мешки, которые охранники волоком утаскивали в вестибюль. Ожидалось прибытие особо заказанного большегрузного мусоровоза.

Словом, производственный процесс был в разгаре.

На втором этаже за плотно закрытыми дверями кабинета Черкасова атмосфера была иной. Отдельная система кондиционирования позволяла не думать о том, сколько градусов снаружи. Здесь стабильно поддерживалось 22 градуса Цельсия и нужная влажность. Содержимое личного сейфа Черкасова накануне перевезли в более надежное место. Демонтировали и вывезли коллекцию старинного оружия, пока просто на дачу.

Оставалась удобная кожаная мебель, телефоны, большой в полстены телевизор и загруженный напитками бар. Черкасов полулежал в кресле. Ему оставалось ждать полного завершения работы там, внизу.

Нажав кнопку селектора, Черкасов проговорил:

– Соедини с финансовым директором.

Секретарша, работавшая с ним не первый год, действовала быстро и через несколько секунд сообщила, что тот на линии.

– Как у вас обстановка? – поинтересовался Черкасов.

– Все по плану Валерий Анатольевич, скоро завершаем.

– Ты, вот что, всем кто внизу, включая охрану, как закончат, выдай премию по месячному окладу и объяви выходные на неделю. Не надо, чтобы в здании лишние болтались. Сколько денег придется вывозить?

– Очень много, Валерий Анатольевич. В банке договорились, они будут ждать.

– Я же предупреждал, не копите в кассе, сбрасывайте ежедневно.

– Мы так и делали, но за два дня большие транши пришли, не успели с ними закончить, вот сейчас и крутимся...

Черкасов прервал разговор и поудобнее лег в кресле, готовясь к долгому ожиданию.

Секретарша сообщила, что приехал Гапоненко. Черкасов разрешил его пропустить в кабинет и пересел к столу.

– Здравствуй, Сергей! Чем порадуешь? – с иронией в голосе произнёс Черкасов.

– Здравствуйте, Валерий Анатольевич! Кое-что выяснилось. В этом Калашине пришлось выходить на криминальных авторитетов, иначе было бы не так быстро. У братков свои люди в полиции и в следствии. Поэтому за помощь пришлось прилично забашлять. Но оно того стоит. Труп нашли в «Мерседесе», в лесу. Одно огнестрельное ранение. Ни документов, ни флешкарты менты не находили и не забирали. Местный дед, который машину нашёл и ментов вызвал, с утра за грибами намылился, ну и наткнулся. Если бы не он, может, машину ещё долго искали. Там хоть дорога и рядом, но место глухое. К деду сгоняли наши ребята, но он говорит, что ничего не брал, и дома у него ничего нету.

– Что с дедом?

– Живой, но в реанимации. Ребята перестарались.

– Он же очухается и их сдаст с потрохами.

– Всё тихо будет. Он их не знает, и номера на тачке висели левые.

– Ты сейчас по первому этажу проходил?

– Да Валерий Анатольевич.

– Видишь, на что приходится идти из-за этого гада Садакова. А если у него сохранилась электронная копия основных документов и схем сделок, то все наши ужимки и прыжки – бесплатный номер.

– Валерий Анатольевич, если уничтожены сами документы с печатями и подписями, нам ничего не предъявишь.

– Дурак ты. Зная даты и суммы проводок, их через суд из банков вытащат. Да и не прокуроров я боюсь. Знаешь же какие люди над нами. Они нам такой шухер не простят. Большие бабки любят глубокую тень. Если узнают о наших заморочках, башку снесут. Ты как думаешь, куда флешка делась? Ведь не выбросил он её, в конце концов.

– Конечно, не выбросил. Она таких денег стоит. Квартиру его ребята аккуратно вскрыли и обшмонали. Всё чисто, никаких тайников. Спрятал где-нибудь в «Гелендвагене». Поэтому менты и не нашли. Да они флешку и не искали, они про неё и не знают.

– А где сейчас машина?

– У ментов в отделе, на стоянке.

– Надо бы, Сережа, чтобы никто уже ничего в этой машине найти не смог. Уразумел?

– Понял, сделаем Валерий Анатольевич.

– И ещё, ищи у нас, кто Садакову информацию слил, найди, где дыра. Давай, действуй.

Гапоненко вышел из кабинета и быстро спустился на первый этаж. Работа там, по-прежнему, кипела. У входных дверей уже раскорячился огромный мусоровоз, в который начали заталкивать чёрные мешки. Гапоненко впритирку к дурно пахнущему борту протиснулся к своей машине, и коротко сказал водителю:

– Гони в Калашин.

12

Руководитель Калашинского следственного отдела Сорокин позвонил Игорю около пяти утра. После вчерашней выпивки с Беловым Игорь соображал туго и никак не мог понять, о чём толкует Сорокин. Тот уже разозлился и проорал в трубку:

– Машина твоя сгорела, так твою мать, давай живо в полицию!

– Да у меня машины нету, вы чего?

– «Мерседес» изъятый сгорел на стоянке, чего непонятного, давай быстро сюда, ждём, – Сорокин отключил мобильник.

Игорь выругался, но начал поспешно натягивать джинсы. Через пятнадцать минут, стараясь перебить перегар фруктовой жвачкой, Игорь подошёл к райотделу полиции.

Пламени уже не было. От остова автомобиля валили клубы серого дыма, а может уже и пара, потому, что вокруг были большие лужи. Трое пожарных скатывали жёсткие брезентовые рукава и отгаскивали их к пожарной машине.

«Гелендваген» опирался теперь на колесные диски и поэтому стал ниже ростом. Резина колес выгорела дотла. Вся краска сошла, стекла полопались, внутри салона сохранились только металлические остовы кресел. От всего бывшего великолепия исходил тяжелый запах гари.

Остальная техника на площадке стояла поодаль и от огня не пострадала.

Игорь направился к стоящим в стороне Сорокину и начальнику полиции Кустову и, понимая, что открывать рот не стоило бы, всё-таки спросил:

– Что случилось?

– Тебя нужно спросить, машина по твоему делу проходит, – зло ответил Сорокин.

– Всяко могло случиться, – примирительно заговорил Кустов, – может, аккумулятор коротнул, или разряд статического электричества, а может – молния.

– Или просто инопланетяне лучом стрельнули, – язвительно продолжил Сорокин, – небось, твои раскулачить хотели тачку, ну и курили нервно при этом.

– Ну, вряд ли. В эту ночь дежурил Ковтун, он клянётся и божится, что всю территорию контролировали. Да и собаку тут прикормили, твякает на каждого, надо и не надо. Услыхали бы.

– Видеонаблюдение есть? – напирал Сорокин.

– Есть, конечно. Но камеры нацелены на входы. Я смотрел. Ничего на них нет.

Все помолчали. Сорокин в утренних лучах солнца получше рассмотрел Климова, оценил его помятость после вчерашнего, но не смягчился и велел ему делать осмотр места нового происшествия. Сам он отправился в кабинет к Кустову, где ему был предложен утренний кофе.

Игорь машинально начал осмотр, шагами измерил расстояние до забора, в разных ракурсах сфотографировал останки машины на мобильный телефон, а потом решил хорошенько изучить саму ограду. Металлическая сетка, натянутая на высоких бетонных столбах, превышала человеческий рост. Вдобавок, поверху шла спираль колючей проволоки. Называлась она «егоза». Официальное это название или фольклор, Игорь не знал, но с самой «егозой» познакомился ещё в армии, не раз изодрав на ней казённые камуфляжные брюки.

Пройдя вдоль всего периметра, никаких повреждений в ограждении он не обнаружил.

Вдруг в кустах, окружающих площадку с внешней стороны, Игорь боковым зрением приметил слабое движение. Он подбежал вплотную к сетке забора, чтобы рассмотреть, что это.

Среди ветвей низкорослой ивы висели два давешних репортёра. Один ухитрился временно держаться за ствол и вести съёмку тяжелой профессиональной видеокамерой, а второй, забравшись ещё выше, в театральные бинокль пытался рассмотреть пожарище.

Игоря репортёры узнали и вежливо поздоровались. Тот недобро молчал, рассматривая их в упор. Почувствовав неловкость, сидящий повыше труженик голубого экрана развязно спросил Игоря, что это с утра у ментов сгорело.

Игорь ответил грубо:

– Что надо, то и сгорело. Вам-то, что не спится?

– Работа такая, – в один голос поведали репортёры.

– Хороша работа, людям гадости устраивать. Надо мной весь отдел смеется из-за ваших съёмок, – вспомнив пережитое унижение, посуровел Игорь.

– Ну, извиняйте, так получилось. Ничего толкового вы нам заснять не дали, а так мы хоть отметились, что на месте преступления побывали.

Судя по их тону никаких угрызений совести, они не испытывали.

– Ну ладно, мотайте отсюда, – приказал Игорь.

– А это общественное место. Нам по закону никто запретить здесь снимать не может.

Игорь не нашёлся, что ответить. Но подмога примчалась неожиданно. Мимо Игоря шмыгнула маленькая пятнистая собачка, протиснувшись под сеткой, подскочила к стволу ивы, упёрлась в него своими кривыми лапками и заливисто залаяла. Репортёры всполошились.

Игорь, не знавший, как зовут собачонку, подбодрил её:

– Давай, давай, ату их, возьми! Фас!

Больше никаких слов на собачьем языке Игорь не знал, поэтому удовлетворился своей местью и вернулся к сгоревшей машине, наплевав на стенания репортёров.

Надо было постараться хотя бы предположительно установить причину пожара.

Углубясь в раздумья, Игорь не заметил подошедшего Куницына. Тот был на удивление оживлён и весел.

Хлопнул Игоря по плечу:

– Ну, что родимый, вспомнил, как дядя Женя вчера говорил, что нахлебаемся ещё, по самое здравствуй? Кого это ты собаками травишь?

– Кого надо, – буркнул Игорь. С недосыпу и с похмелья трепаться не хотелось.

Куницын, поняв его состояние, взял Игоря под руку и повлёк в свой кабинет отпаивать чаем.

Казенную скукоту кабинета Куницын скрасил парой икон и здоровенным настенным календарём с пляжным фото полуобнажённых девиц трех разных рас. Игорь невольно загляделся на календарь. И захотелось моря, обжигающего песка, свободы и всего того, что может этому сопутствовать.

– На море охота, – неожиданно для себя признался Игорь, вспомнив единственную поездку с родителями и братом в Геленджик.

– Молодой ещё, съездишь, – весело утешил Куницын.

Его хорошее настроение не проходило и начинало передаваться и Игорю. Чему способствовала ёмкая фаянсовая кружка умело заваренного Куницыным сладкого чая. Игорь постепенно приходил в равновесие. Вчерашние слова Куницына о предстоящих неприятностях оказались пророческими. За всей цепочкой событий явственно ощущалась чья-то воля, причём злая воля, направленная на причинение боли и разрушения.

Игорь вдруг сообразил, в чём необычность совершённых в эти дни преступлений. Ну ладно, кто-то пока неизвестный совершил убийство. Скорее всего, по заказу. Ну, получи ты свои деньги и скройся. Сиди тихо в надежде, что не выйдут на тебя. Но тут картинка другая. Мало, что убили человека. На другой день искалечили, в общем-то, постороннего мужика, чья вина только в том, что он обнаружил труп. Дальше больше: сожгли машину убитого. Продолжают мстить? Глупо мстить покойнику. Явно у того, кто за всем этим стоит, есть своя цель. И убийство Садакова только шаг к ней. Вопрос в том – добился этот некто своего? Или ждать новых сюрпризов?

Игорь рассуждал про себя, молча, но, когда поднял глаза на Куницына, понял, что тот думает так же.

– Ну и где теперь рванёт, чего ждать? – Игорь, допив чай, решительно отодвинул бокал.

– Для начала нужно поговорить в больнице с Ивановым, может, память ему не отшибли. Ты всё-таки придумай, как загнать на экспертизу окурки и гильзы, зря, что ли мы корячились, искали? С Беловым перетри, он мужик ушлый, не только водку пить умеет, подскажет куда плыть.

– Да ладно тебе, – обиделся на намёк Игорь, – разок выпили, весь Калашин знает, что за город такой!

– Успокойся! Сам же мне сказал, чтоб вечером заехать к тебе протокол подписать. Ну, я Лидке вашей, секретарше, позвонил. Узнать хотел, где ты после вашего совещания, она и сказала, что ты с Беловым киряешь. Я Лидку с детства знаю, соседями были. А про город ты верно сказал. Любят у нас посплетничать. Я для смеху пару раз у нас в дежурке просто в пространство выдал несколько придуманных версий. К вечеру весь город их знал и обсуждал. Ты «Гелендваген» так и не успел осмотреть? Ну, всё, бампера сторели. Ничего никому не докажешь, – потянувшись, Куницын вскочил и, изогнувшись в шутовском поклоне, изрёк, указывая на дверь – Очнитесь, граф, вас ждут великие дела. Давай так, ты в больницу к Иванову, а я встречать опергруппу из областного УВД, они позвонили, что выезжают.

Игорь покорно вышел и поплёлся к районной больнице.

13

Зиночка Дементьева с вечера предупредила шефа, что поедет в Москву, чтобы допросить сослуживцев Садакова. Электричка домчала её на Рижский вокзал в самом начале рабочего дня. Не воспользоваться такой поездкой было бы неразумно, а Зиночка славилась своей практичностью. Поэтому первая половина дня была посвящена магазинам и парикмахерской, в которую она записалась накануне по интернету. Потом она наскоро заскочила к экспертам-бухгалтерам, работающим по одному из её дел, и оставила им для исследования два дополнительных тома кассовых документов.

К обеду отягчённая фирменными пакетами Дементьева прибыла в «Ассоциацию финансового консультирования». Пропуск ей был заказан заранее. Она вознеслась в суперсовременном лифте на двенадцатый этаж стеклянной башни и прошла в приёмную. Дементьеву интересовали не столько формальные сведения об убитом, сколько атмосфера, в которой он трудился. Неисчерпаемый источник такой информации, стильно принаряженный, обитал именно в приёмной и носил имя Надя. Зина уже говорила с ней вчера, а потому встретила с ней как давняя подруга, только что не обнимались. Надя радостно сказала, что руководства на месте нет и лучше всего беседовать в кафетерии на втором этаже.

Туда и направились. Надя уверенно провела новую подругу между снующих людей по длинным коридорам к другому, внутреннему лифту, который запускался поворотом специального ключа. Надя по пути успевала отвечать на поклоны встречных и какие-то непонятные непосвященной Дементьевой шуточки.

Провинциалку Дементьеву подавлял этот многоэтажный офис, представлявший ей огромным ульем, в соты которого трудолюбивые офисные пчелки затаскивают медовый прибыток для своих хозяев. Но виду она не показывала, стараясь выглядеть уверенно.

Под чашечку кофе и заварное пирожное разговор потёк непринуждённо. Надя легко рассказывала, что фирма у них большая, но состоит из нескольких независимых проектов.

Основной из них – предоставление аудиторских услуг, поменьше – финансовое консультирование и ещё поменьше юридическое сопровождение.

Главный у них Вишневецкий, только он бывает редко. Всем офисом заправляет Галина Сергеевна Костюкевич, дама крайне строгая. Но она сейчас в командировке за границей. Но это для посторонних. На самом деле у неё очередная операция корректирующей пластики. Ждут её только на следующей неделе. Сам Садаков мужик был невредный. В офис приезжал раза два в месяц. Его главной задачей, как заместителя, было привлечение на договорной основе к финансовому консультированию видных специалистов. Разных там профессоров и бывших крупных работников министерств. Заказчикам такой уровень нравился, и денежных затруднений направление Садакова не испытывало, как и фирма в целом. Конечно, кризис сказался, зарплаты срезали, слава Богу, бизнес остался на плаву, иначе Наде пришлось бы худо. Никаких конфликтов или врагов у Садакова в офисе не было. С Вишневецким он дружил давно, ещё со времён работы в каком-то экономическом НИИ. Его названия Надя не помнила. Садаков несколько лет назад женился. Кто его жена, никто не знает. В кабинете у него стоит фото шикарной блондинки с малюткой, но живьём её видеть не приходилось. Деньги у него водились. Дорогие костюмы, обувь. На руке платиновый «Ролекс», золотой телефон «Верту», словом все атрибуты преуспевания. И что всех веселило, Садаков не пользовался портфелями. Ключи и телефон таскал в карманах. Такая у него была привычка. Документы на совещания возил кто-нибудь из его команды, а тот, если он что-то записывал, складывал лист вчетверо и тоже в карман. У него и сейфа в кабинете не стояло, только компьютер какой-то навороченный и всё.

После кофе поднялись в приёмную, и Зина кратко записала слова Нади в протокол допроса свидетеля.

Надо было ехать на обыск московской квартиры Садакова. Три ключика на колечке Дементьева вчера предусмотрительно получила у Климова. Надя позвонила кому-то, и сказала, что Серёжа, водитель разгонной машины, ждёт у входа. Записав номер Серёжиного телефона и машины, Дементьева поблагодарила Надю, и они распрощались. Расстались подругами.

Серёжа знал адрес Садакова, и быстро привёз Дементьеву к нужному дому на улице Берзарина.

Вплотную ко входу автомобиль подъехать не смог из-за неширокой асфальтированной дорожки, ведущей к дому, который был самой обычной девятиэтажкой, ряд которых тянулся и направо, и налево.

Зина Дементьева, выйдя из машины, начала озираясь, высматривая представителя дирекции по эксплуатации зданий. Поскольку у Садакова родственников в Москве не числилось, пришлось заранее по телефону договариваться с ДЭЗом, чтобы прислали своего сотрудника для участия в осмотре квартиры. Там долго упирались, но потом сдались и потребовали прислать формальный запрос, хотя бы по факсу. Это условие Зина выполнила, но никаких официальных лиц у дома сейчас не наблюдала. Пришлось снова позвонить в жилконтору. Там раздражённо ответили, чтобы искала лучше, их Фёдор ушел по названному адресу полчаса назад.

Зина снова осмотрелась и неподалёку в скверике увидела вооруженного граблями невысокого черноволосого мужчину, наряженного в оранжевый жилет со светоотражающими полосками.

– Здравствуйте, вас не Фёдор зовут? – обратилась к нему Дементьева.

– Да, по-русски Фёдор, – расплылся в улыбке тот, – а ты следователь, который письмо посылал?

– Ну да, – рассмеялась Дементьева, – давайте пройдем в квартиру.

В дом вёл замызганный темноватый подъезд. Старый, исписанный местными грамотеями лифт, доставил Дементьеву, Фёдора и Серёжу на пятый этаж. Серёжу она предупредила, что он будет понятым при обыске в квартире, а потом обзвонила все три остальных квартиры на площадке. В одной никто не отозвался, в двух других открыли ветхая старушка и женщина с ребенком на руках. Дементьева назвала себя и попросила быть понятыми. Старушка согласилась, молодая мать заявила, что квартиру они здесь снимают, сами приезжие, и ни во что вмешиваться не хотят. Но дверь оставила приоткрытой и дистанционно удовлетворяла своё любопытство.

Дементьева в сопровождении Фёдора, Серёжи и старушки подошла к двери, перебирая в руке ключи, из которых к замкам подошли два, третий, судя по размеру, был от почтового ящика.

Мебели в двухкомнатной квартире было маловато. Старенькие шкаф, тахта. Несколько книжных полок с классикой. Два просиженных кресла. На стенах ковры, как было принято и считалось модным лет сорок назад. В буфете пара графинов и набор хрустальных бокалов, тоже из прошлого. Только телевизор новёхонький. В крохотном совмещённом санузле поддерживался порядок, но какой-то не домашний, а как в гостинице. Видимо квартирой пользовались редко. Дементьева наугад повывдигала ящики буфета, заглянула в шкаф, потом на кухню. Ни документов, ни ценностей там не хранилось. Короче, ничего интересного для дела в квартире убитого не нашлось. Поэтому протокол обыска вышел куций и незамысловатый. Фёдор в нём оказался Фаридод, что, по его словам, по-таджикски означает: «Бог дал ангела». Серёжа и старушка чинно расписались внизу листа, и оставалось только запереть и опечатать дверь. Старушка вернулась в свою квартиру, а остальные пошли к выходу. На первом этаже Дементьева на всякий случай проверила почтовый ящик, но тот оказался набит только рекламными

листочками, которые старательные распространители силой впихивали в него. Зина вручила ДЭЗовскому ангелу копию протокола и вернулась в машину.

День заканчивался. Обыск дачи Садакова у Дементьевой был запланирован на послезавтра, поэтому она попросила Серёжу доставить её на вокзал, поблагодарила, и отправилась в родной Калашин. Муж, которому она позвонила с дороги, встречал её на привокзальной площади.

14

Жека беспробудно пил уже третий день. Такого раньше с ним не бывало. По правде сказать, не потому, что раньше он от алкоголя воздерживался, а теперь вдруг запил, просто денег всегда хватало в обрез только на разовую выпивку. Он принципиально пил в одиночку, пьяные компании презирал за бестолковость речей и постоянный чувственный надрыв, который, того и гляди, обернётся дракой.

А тут повезло. Давно, до дрожи мечтал Жека о богатстве. С детства наслаждался этим выдуманным миром, который принадлежал ему одному и никому больше. Сладким думам о предстоящих покупках он обычно предавался перед сном, когда дом затихал, и мать, живущая в своей половине старого, ещё дедовского дома, переставала охать. Своим мечтам Жека старался придавать какое-то жизненное обоснование, так они казались более реализуемыми. То он мечтал, что найдёт туго набитый деньгами бумажник, то во дворе под старой липой выкопает горшок с золотыми монетами, или на чердаке их дома обнаружатся драгоценные серьги и кольца в жестянке из-под монпансье.

Бумажник, что-то никак не находился. Под огромную липу Жека подкапывался со всех сторон, но кроме ржавых гнутых гвоздей ничего не выкопал. Чердак их столетнего дома, забитый разным хламом, заветной жестянки никак не выдавал.

Другой бы успокоился, но Жека мечты не оставлял. Для него выдуманный им самим мир начинал казаться реальным. Верилось, сделай шаг, и всё в твоих руках. Но как именно, и куда шагать он не знал, и спросить было некого, потому что своим, сокровенным, Жека ни с кем не делился.

И всё же, пару лет назад какой-то слабый толчок к процветанию Жека почувствовал.

Заметил он тогда на заброшенном колхозном поле двух ребят, которые ранним утром ходили по высокой траве странными кругами, а время от времени ковырялись в земле короткими складными лопатками. Жека не смог преодолеть любопытства и, скрывая смущение, подошел, назвалсЯ и, соврав, что это участок его матери, поинтересовался: а что это городские тут выкапывают?

Он, при случае, умел сыграть простоватого парня, чем и воспользовался. Бородатые молодцы в камуфляжных костюмах, увешанные ножами и флягами, смутились. В их расчёты явно не входило общаться с аборигенами. Они сказали, что только вот приехали. При этом один рукой показал на зеленую машину, приткнувшуюся на краю поля. А ищут они артефакты и никому их осторожный коп повредить не может.

Про артефакты Жека не понял и попросил показать, какие они такие эти артефакты. Слово-то ему очень понравилось.

Молодцы переглянулись. Большое желание послать подальше деревенского недоумка явно читалось на их лицах и было нестерпимым. Но это означало конец поискам на данном поле, поскольку по новым законам их увлекательное хобби стало не совсем легитимным.

Вздыхнув, один из парней, что побородатее, вынул из кармана плоский контейнер из прозрачной пластмассы, открыл и показал Жеке. Тот с удивлением рассмотрел две маленькие позеленевшие монетки с гербом Советского Союза и какие-то круглые медяшки с зубчатым краем и двойной продольной прорезью посередине.

— Это чё, артефакты? — зачарованно спросил Жека.

— Самые, что ни на есть, — подтвердили копатели, — Две и три копейки тридцатых годов прошлого века, а эти кругляши — от ремней конской сбруи, по-нашему, «конина».

— И чё, можно продать? — начал соображать Жека, — А если золото найдёшь?

– Всё можно продать, но сперва найти надо. Золото оно так не валяется. Твои предки, кто здесь пахал, золото видали только на церковных куполах, значит, и потерять на поле его не могли.

Зря они сказали про предков. Жека раньше к окружающим полям и перелескам был совершенно равнодушен, а тут вдруг почувствовал, что эта мохнорылая братия его лично просто обворовывает. Жека насупился.

Перемену в его настроении почувствовали и копатели. Под чужим да ещё недобрым взором, металлоискатели закапризничали, а их обладатели занервничали, а потому, смачно плюнув Жеке под ноги, оба свернули аппаратуру и отчалили.

Жека вздохнул полной грудью. Вот оно богатство, под ногами. Пользуйся. Только как его возьмешь без металлоискателя? Складные лопатки, камуфляж, фляги – эти игрушки для бородатых городских детей – Жеку не впечатлили, потому что на результат поиска влиять не могли. Но где взять металлоискатель, и как с ним обходиться, вот был вопрос.

Надо сказать, что Жека в свои неполные двадцать лет нигде ни одного дня не работал: как бросил школу четыре года назад, так и ошивался при матери на вольных хлебах. Ладно, хоть она его на свою небольшую инвалидную пенсию кормила. Помогало и хозяйство. Жека на себя работать любил. Огородные грядки и картофельная полоса за усадьбой хорошо обеспечивали их с матерью целый год. Куры и кролики тоже выручали. Все это были Жекины заботы. Мать страдала ногами из-за сахарного диабета и от дома далеко не отходила. Всё больше сидела у старенького телевизора «Рекорд», чертыхаясь на полуголых девок в различных шоу.

Машины купить им было не по средствам, даже не такую блестящую и навороченную, как в Жекиных мечтах, а простого жигулёнка. Но выручал дедов «Урал» с коляской. На нём Жека мотался по своим делам, и мать постоянно доставлял в районную больницу. Без транспорта в деревне не прожить. Жека приспособил к мотоциклу прицепчик и возил на нём траву для кроликов, речной песочек для кур и всякую всячину.

Так что жить-то они жили, но денег было в обрез. Кроме пенсии деньги изредка появлялись, когда удавалось продавать дачникам куриные яйца или крольчатину. Покупали в бывшем сельпо только хлеб, соль и чай, редко сахар. Донашивали одежду, что была. Да и некуда было наряжаться в деревне-то. Постоянной статьёй расходов оставался табак. Курили много. Особенно мать.

После встречи с бородатыми копателями Жека никак успокоиться не мог. Даже его мечты теперь обрели новое направление и были связаны с могучей силой, видеть сквозь землю. Несколько телевизионных передач про поисковиков с металлоискателями Жека видел по мамкиному ветхому телеаппарату. Но те искали останки солдат, какие-то капсулы. Это Жеку не интересовало.

Решение у него вызрело такое. Нужно обращаться в город к скупщику металлолома. Много чего Жека к нему перетаскал. Вначале с мужиками, а потом, сообразив, что проще не делиться, и в одиночку. Опять спасал верный «Урал» и разорённая колхозная сельхозтехника. Вырученные денежки Жека тратил на себя, матери не отчитываясь. А что? И бензин нужен, а когда и запчасти по мелочи, а то просто пивка выпить охота. За каждым рублём к матери не набегаешься.

Невысокий мужик, заправлявший скупкой металла, носил кличку Выхлоп. Работёнка у него непыльная, сиди себе в ангаре, покуривай. Припрут неопохмелённые мужички какую-то непонятную штуковину, определи какой металл да взвесь. Таблица Менделеева не нужна. Калькулятор отщёлкает, сколько кому уплатить. Ну, а если вещь бытовая, знакомая, то и ещё проще. Чугун к чугуну, латунь к латуни и далее по прейскуранту. Горы металла копились в глубине ангара, пару раз в месяц это богатство вывозили, а Выхлоп по-прежнему посиживал в мягком кресле на колёсиках, доставленном из какого-то разорившегося офиса.

По кличке мужика звали прямо в глаза. Жека сперва стеснялся, мужик-то постарше будет, но потом вслед за остальными тоже стал обращаться без церемоний: Выхлоп, да Выхлоп. Поначалу Жека полагал, что «выхлоп» это от утреннего перегара, но заметил, что приёмщик много и не пьёт, чтобы такую погонялу заслужить. Потом знающий дружок растолковал, что на блатной фене «выхлоп» означает прибыль, приход.

Другими глазами посмотрел Жека на Выхлопа и заметил, что за ласковым матерком нет-нет, да и прозвучит у того жёсткая нотка. Да и добытчики металла, народ пропитой и отчаянный, с приёмщиком о цене и весе не спорили, как скажет, так и будет. И ещё, зная, что народ, получая у него деньги, донесёт их до первого винного ларька и пропьёт, Выхлоп никогда за металл водкой не расплачивался и никогда никому спиртного в своём ангаре не предлагал. Это было правило. Руки у Выхлопа синели от татуировок. На пальцах наколоты перстни, которые говорили понимающим людям многое про Выхлопа. Такие украшения попусту не исполняют. Добавишь себе дутого авторитета незаслуженными наколками, можешь и пальцев при случае лишиться. Это Жека хорошо понимал и отношения с Выхлопом поддерживал ровные.

Выбрав момент, когда Выхлоп сидел в ангаре один, Жека подкатил к нему со своим интересом. Чтобы казаться полезным Выхлопу, Жека напирал на то, что металла тогда будет немаленько.

Выхлоп, выслушав, не удивился. Будущим барышам сильно не обрадовался. Сказав что-то вроде: притащишь, тогда и посмотрим. Но потом переговорил с кем-то по мобильному телефону, произнес несколько незнакомых Жеке слов, в том числе слово «Майнлаб», и сказал, чтобы Жека позвонил ему завтра к вечеру и сразу приготовил десять тысяч рублей.

Жека смущённо признался, что позвонить ему неоткуда, телефона у него нет, он лучше просто подъедет завтра вечером и десять тысяч постарается набрать.

– Ну, смотри, – коротко буркнул Выхлоп, – договорились.

Жека весь вечер и следующий день пытался набрать денег. Своих было только четыре с половиной. Мать на просьбы не повелась и денег не давала, хотя Жека врал, что деньги нужны на запчасти для мотоцикла. Только к обеду угрозами, что не сможет её возить к докторам, Жека выклянчил три тысячи. Десять никак не набиралось, но не поехать к Выхлопу Жека не мог.

Ворота ангара были закрыты. На Жекин стук Выхлоп приоткрыл одну створку и пустил его внутрь. В ангаре никого не было. На низком, сваренном из мощных стальных профилей столе для приёмки металлолома лежал мягкий серый нейлоновый чехол.

– Вот металлоискатель «Майнлаб», бэушный, но рабочий. Инструкция на русском есть. Гони десять косарей.

Глаза у Жеки разгорелись, вот протяни руку, и мечта воплотится, но денег не хватало. Выхлоп понял, что есть закавыка и, выяснив про собранную сумму, присвистнул.

– Как же мне быть-то? – причитал Жека, не сводя глаз с чехла, – нету сейчас столько денег, хоть плачь.

– Ладно, болезный, я за тебя два с половиной косаря добыю, но ты мне потом пять товаром отдашь. Идёт?

Жека, не помня себя от радости, согласился, сгреб в охапку покупку и заторопился домой опробовать диковину.

С этого и началась у Жеки новая интересная жизнь. Он с головой ушёл в поиски, терзал расспросами мать и двоих ещё живших в деревне стариков, выясняя, где что в старину находилось, и где шли большие бои, и где закапывали убитых. Но многого узнать не удалось. Память, что ли, была у людей короткая, или тяжёлые воспоминания в человеческих головах не удерживались, или просто старые пни Жеке для расспросов достались, но ничего для себя толкового Жека не узнал.

Больше повезло со старой учительницей, которая теперь в бывшей Жекиной школе вела кружок краеведения. Лидия Григорьевна показала и старые карты Калашинского уезда,

и сохранившие схемы боевых операций, и вообще поддержала, рассчитывая на пополнение школьного музея воинской славы. Жека в обещаниях не скупился.

Освоение прибора тоже наладилось. Собрал он его без труда, вставил нужные батарейки. Поначалу прибор взбрыкивал. То пищал на разные голоса, то цифры на табло начинали плясать. Но сверяясь с инструкцией, Жека упорно шёл к своей цели. В разных концах огорода он позакапывал на разную глубину куски металла, какие только нашёл. И магнитящиеся, и цветные, и, по секрету от матери, даже единственную её серебряную ложку. По тону писка и по цифрам ему постепенно становилось понятно, что именно и как глубоко лежит.

Жека так увлёкся, что позабросил хозяйство. Мать заметила и устроила ругань на целый вечер. Жека отбрёхивался, но понимал, что мать заботится, как им прожить зиму, а не просто срывает зло. Пообещал, что все выправит. Помирились.

В первый же выезд он, в указанном одним старичком болоте, нашёл двадцать шесть тяжёлых латунных артиллерийских гильз. Партиями перевёз их в ангар к Выхлопу, расплатился за долг и три тысячи заработал.

Бизнес пошёл. Всё найденное Жека таскал в ангар. Только оружие Выхлоп брать не хотел, ни под каким видом, хоть и были эти винтовочные стволы и снаряды безнадежно ржавыми и безопасными. Жека сделал выводы и такой хлам прикапывал там же, в лесу, где и находил.

Постепенно стали попадаться в старых блиндажах каски, поясные немецкие пряжки, штыки в ножнах, какие-то наградные знаки. Всё это Жека тоже предъявил было Выхлопу, но тот связываться не стал и направил его к Сергуне, мутному пареньку, который сплавлял всё это коллекционерам в Москву.

Особо ценились у тех немецкие овальные похоронные медальоны. Их сплав почти не поддавался коррозии, а просечка разделяла на две половинки. Одна оставалась на убитом, а вторую отламывали для учёта. Нужны были неразломанные медальоны, которые попадались нечасто. Получалось, что этот убитый немец там, у себя, числился пропавшим без вести. Всего восемь штук таких и нашлось пока. По слухам, в Германии за каждый можно было получить поддержанную машину. Жека понимал, что Сергуня ему платит полцены, но деваться было некуда, связей, как у него, у Жеки не было.

Разбогатеть ему так и не удалось, но жизнь впереди просматривалась как-то поувереннее.

Конечно, лазая по лесам с металлоискателем, можно было нажить неприятности, а то и жизнью заплатить, но Жека судьбу не старался не искушать. К явно опасным штуковинам не прикасался, и никогда ничего не пытался поджечь или подорвать. Так и существовал.

Привязался было новый участковый. Заявился как-то утром и давай расспрашивать. Жека к такому повороту событий подготовился давно. Металлоискатель на виду не держал, находки прятал на специально подобранном месте за деревней, а особо ценные в тайничке в подполе. На виду валялось несколько насквозь проржавевших касок и винтовочных стволов. Их-то участковый и обозревал со всей ментовской подозрительностью. Жека тут же вынес ему из дома документик – благодарность от училки за пополнение школьного музея экспонатами, участковый и отвял.

Три дня назад судьба вновь подкинула сюрприз, после которого Жека и запил на радостях.

Решил он с раннего утра смотаться на разведанное прошлым летом грибное место, чтобы за один раз затариться на всю зиму. Не успел приехать – наткнулся на внедорожник, а в нём жмурик. Кто его и за что, было непонятно. Вокруг никого. Только-только начинало рассветать. Жека, смекнув, что никто его не видит, сорвал лопушок, через него взялся за рукоятку, открыл переднюю пассажирскую дверь и бочком присел на сидение. Покойников он не боялся, но рассматривать подробно лицо убитого не стал. Быстренько обшарил бардачок, там ничего, кроме бумажек не было. Нашупал в кармане пиджака мобильный телефон, на котором было

написано не нашими буквами «Верту». Латиницу Жека, вспоминая школьные уроки, освоил, торгуя немецкими находками.

Из внутреннего кармана пиджака Жека, стараясь не запачкаться кровью, вытащил толстенный бумажник. Часы и перстень снимать не стал, побрезговал, слишком они заляпаны кровью. Успокаивая себя, что мёртвому уже всё равно ничего не нужно, осторожно прихлопнул дверцу.

Больше Жеку ничего не держало. Словом, уже не до грибов. Он быстро вернулся к мотоциклу, уехал из леса и направился к своему особому месту.

Это совсем недалеко от их деревни, на пригорке. Один его склон обрывом уходил к реке. Оттуда не подойти. Со всех других сторон пригорок огибало старое русло реки, сейчас всё заиленное и непроходимое. Так что попасть сюда можно только по одной полевой дорожке, которая просматривалась километра на три. Это и было укромное место, где Жека разбирал свои находки. Всё негодное сразу поглощало болотце, туда же при опасности можно было скинуть и весь навар.

Бумажник из мягкой бордовой кожи не порадовал. В нём лежало водительское удостоверение на имя какого-то Садакова, четыре пластиковых карточки различных банков, на которых латинскими буквами напечатана та же фамилия. Денег нашлось до обидного мало. Всего двадцать три тысячи. И какая-то пластмассовая коробочка-футлярчик. Видно, этот мужик расплачивался банковскими карточками. Как это делается Жека видел, но для него этот путь слишком опасен, и он это хорошо понимал.

Деньги переключались в карман к Жеке. Бумажник с удостоверением и карточками, с усилием согнув их пополам, Жека запихнул в пустой снарядный стакан, хранимый под корнем березки для такого случая. Туда же он хотел запихнуть и футлярчик, но решил его рассмотреть в деталях.

Колпачок футляра легко снялся и обнажил металлический контакт. Жека вспомнил, что похожую штуку он видел в поликлинике у медсестры, которая в регистратуре колдовала за компьютером, записывая на приём Жекину мать. Она ещё как-то смешно эту штуку называла в разговоре с другой медсестрой, но Жека не запомнил. Значит, эта вещь тоже может стоить денег, нужно только поподробнее разузнать. Футлярчик погрузился в тот же карман, что и деньги. Оставался телефон. Необычные грани угловатого корпуса ярко отсвечивали золотом. Таких Жека никогда не видел и решил его всё же придержать, и показать Сергуне.

Он встал, сжимая в руке тяжелый снарядный стакан, размахнулся, что есть силы, и зашвырнул его в самую топь. Жижка чавкнула, принимая подарок.

Больше здесь делать нечего. Жека сгонял на мотоцикле в город, купил спиртного, пива и закуски и поехал домой. В сельском магазине он решил с деньгами не светиться, чтобы избежать лишних разговоров.

Жекин трехдневный пир прервала мать. Она ещё в дверях начала ругаться, обзывая неблагодарным, и другими обидными словами. Жека, как мог, оправдывался и уверял, что выпивать он прекращает, деньги как с неба упали, грех было не отпраздновать. Желая утихомирить мать, он отдал ей пятитысячную бумажку. Мать деньги убрала и уж было собралась уходить на свою половину, но остановилась у притолоки и с чувством выдала:

– Горе ты, горе! Одно слово безотцовщина, научить некому. Упал тебе фарт, ну и сиди тихо, как мышь под метлой. Оглядишься, всё ли ладно. А ты за стакан и ханку глушишь! Сявка ты ещё, сявка и есть!

Жека притих, понимая, что мать говорит от сердца. Правда, словечки у неё те ещё. Сказывался трехлетний лагерный опыт. Мать загремела тогда за растрату в магазине на отсидку, а Жека в интернат, пока его не забрал к себе оттуда дед.

Мать, махнув рукой, ушла, а Жека крепко призадумался. Хмель в нём всё ещё бродил, но пора было остановиться и действительно разузнать в городе, нет ли каких разговоров про труп и машину.

15

Климов, погружённый в раздумья, до районной больницы дошагал, не заметив расстояния. Пришёл в себя на ступенях главного корпуса. Сделав над собой усилие, Игорь внутренне собрался, настраиваясь на работу со свидетелем. Сунув в окошко проходной удостоверение, Игорь выяснил, где сейчас больной Иванов. Сказали, что уже перевели в общую палату. Второй этаж, налево, палата двадцать один.

В палате на шесть человек все места были заняты. Лежачих оказалось всего двое. Остальные или сидели на своих местах, или бродили между коек. Имелись и двое посетителей, выделяясь на фоне застиранных халатов яркими летними одеждами.

Петровича Игорь не сразу узнал. Бинты укутывали верхнюю часть головы, а лицо состояло из здоровенных синяков, окаймлённых нездоровой желтизной. Досталось ему по полной программе.

Рядом с Петровичем на белом стульчике расположилась крупная нарядная дама. На тумбочке у кровати лежали апельсины и кульки с печеньем и конфетами. Петрович, увидев Игоря, узнал его и поздоровался. Дама насторожилась и строго глянула на Игоря. Тот поздоровался и представился даме. Оказалось, что это жена Петровича. Ей позвонили из деревни и сообщили о несчастье с Геной. Она и примчалась. Позвонили, небось, те старушки с повадками цереушниц, с которыми Игорь и Куницын вчера общались.

Разговаривать с жертвой нападения при таком числе болельщиков Игорь не мог. Поэтому обратился с просьбой войти в положение и обождать немного в коридоре. Народ не возражал и потянулся к выходу. Встал даже второй лежачий больной, объявив, что ему как раз надо в туалет. Даму пришлось попросить второй раз, после чего она с явным неудовольствием вышла.

Рассказ Петровича был короток. Никаких конфликтов у него ни с кем не имелось. Нападение он связывал только с найденной машиной и покойником в ней. Парней он хорошо запомнил и описал. Оба высокие, крепкие, с короткой стрижкой. В кожаных куртках. Один постарше. У него имелся пистолет, который он сунул Петровичу прямо под нос. По виду вроде пистолет Макарова, но рассмотреть не успел, потому что сразу стали бить по лицу, свалили на пол и несколько раз ударили ногами. Говорили мало, требовали отдать документы убитого и какую-то флешку. Незнакомое слово запомнилось. Потом перерыли всё в доме, но ничего не нашли. На уверения, что он ни к чему в машине не прикасался, старший ударил ногой в голову и Петрович потерял сознание. Что происходило дальше, не знает.

Игорь судорожно записывал его показания, а потом решил составить отдельный протокол с устным заявлением Иванова Геннадия Петровича о совершенном в отношении его преступлении. Петрович с трудом расписался в документах. В этот момент в палату ввалилась медсестра, и подняла хай про нарушение режима, мол, больные должны лежать, и она доложит заведующему отделением, что следователь всех выгнал из палаты. Игорь своё дело уже сделал, спорить с медсестрой не стал и откланялся, пожелав выздоровления Петровичу и всем присутствующим, включая медсестру.

16

Куницын в это время встречал старших коллег из областного управления. Прибыли два подполковника полиции Кривошеев и Шарафутдинов. Они сначала прошли к начальнику полиции и официально представились, а потом перешли в кабинет Куницына и стали просматривать дело оперативного учёта, куда Евгений успел поместить копии постановления о возбуждении уголовного дела и протокола осмотра места происшествия. Комментарии Евгения они выслушивали молча. Когда он выговорился, повисла пауза. Приезжие молчали. Поняв столь красноречивое молчание, как нежелание говорить в незнакомом помещении из опасений прослушки, Евгений, улыбаясь, предложил перекусить с дороги. Предложение было благосклонно принято, и вся компания спустилась во двор к машине.

Для таких особых случаев у Куницына имелся дружок по имени Гамлет, а у Гамлета – придорожная шашлычная, которая так и называлась «У Гамлета». Прелесть заключалась в том, что помимо основного здания, в глубине засаженного яблонями участка спрятались небольшие беседки, где, не афишируя, удобно провести любую частную встречу.

Заняв дальнюю беседку, гости и Евгений закурили. Проворный официант сразу начал подавать на стол лаваш, зелень, минеральную воду. На первое попросили борщ, на горячее все сошлись на шашлыке. Гости не отказались и от бутылочки коньяка, рассудив, что до вечернего совещания у Зинченкова ещё много воды утечёт. Внимательный к мелочам Евгений попросил официанта отнести водителю в машину пару чебуреков и лимонад.

За едой о делах не разговаривали, выпили за встречу, за верховного главнокомандующего, за тех, кого нет, и за семьи. На этом бутылка иссякла. Кривошеев разрешающе махнул рукой и Евгений заказал ещё коньяка. Принесли и чай.

Тут и настало время серьёзного разговора. Теперь говорили гости. По их словам, в деле об убийстве заинтересован кто-то наверху. Им дана жесткая команда обеспечить быстрое раскрытие. Тут надежда на Евгения с его оперативными возможностями среди местного контингента. Хотя все понимают, что Калашинский район просто место нападения, все задумано и организовано в Москве.

Главное: установить мотив убийства. Пока он неясен, может быть личная месть, может быть ограбление, а может и желание заткнуть рот. Гадать можно долго, нужна хоть какая-то информация. По линии уголовного розыска на убитого Садакова или его окружение ничего нет. Но вот коллеги из отдела по борьбе с экономическими преступлениями кое-что подкинули.

Садаков работал в компании, которая проводила аудит для многих фирм, поскольку по закону они периодически обязаны публиковать отчётность, осуществлялись также финансовые консультации, суть которых сводилась, в основном, к изысканию законных способов снижения налогов или оптимизации денежных потоков. В общем, ничего привлекающего внимание. Но уже несколько лет через агентуру в ОБЭП капает информация, что у нескольких топ-менеджеров фирм, пользовавшихся услугами компании Садакова, возникали большие финансовые проблемы. Кто-то нашёл средства, справился и продолжает работать, кто-то, что называется, сошёл с круга и отсиживается за границей, а кого-то и нет в живых. Предполагается, что имел место шантаж. Но что именно и какие там крутились суммы, никто не говорит. И то, что за этим мог стоять Садаков, пока только предположение. Поэтому этой информацией следует пользоваться осторожно, иначе могут быть печальные последствия. Первая ласточка – этот ваш свидетель, нашедший машину, да и сама сгоревшая машина.

Евгений пообещал всё это учесть. Условились, что будут пока обмениваться информацией, а в случае чего областные опера Евгения прикроют. На этом обед и завершили. Проходя мимо основного здания, Куницын крикнул:

– Гамлету привет передай от меня, – и помахал рукой официанту, который, в ответ, склонился в почтительном полупоклоне.

Гамлет с Куницына денег за угощение не брал, памятуя всё доброе, что тот для него сделал. Да и Евгений, знавший меру, своими привилегиями в этом кафе не злоупотреблял.

17

После допроса в больнице Игорь сразу направился к себе в следственный отдел, куда на после обеда были вызваны люди по делам, которые он расследовал. Нужно было воспользоваться временем до очередного вечернего совещания.

Два были несложные: о бытовых убийствах. Всё в них ясно, и, если бы могли их фигуранты отмотать время назад до той крайней пьянки, что привела их в тюрьму, с радостью от своих фатальных действий отказались бы. Не факт, конечно, что очередная выпивка вновь не заставила их хвататься за нож. Но тут о предназначениях человеческих судеб можно гадать, сколько влезет. Оба злодея проходили психиатрическую экспертизу, и пока Игорь просто подчищал эти дела, допрашивая соседей и подшивая в тощие тома характеристики из школы, с работы и по месту жительства. Набрать таких бумажек нужно за десять предшествовавших лет, что и требовало немалой переписки и времени на пробег почты.

Третье оказалось посложнее из-за множества назначенных экспертиз. Дело о несчастном случае на производстве в результате нарушения правил охраны труда возбуждалось ещё до назначения Климова на должность. Игорь утонул бы в ворохе инструкций, большинство из которых вдвое, а то и втрое его старше, если бы не подсказки Белова. Дело шло к завершению, и если бы не это свежее убийство, то Игорь начал бы уже знакомить обвиняемых мастера цеха и директора завода с материалами уголовного дела перед направлением прокурору. Теперь надо навёрстывать: истекали неоднократно ранее продлённые сроки следствия.

Настоящей головной болью оказалось четвёртое дело: об изнасиловании. Три недели назад к Сорокину на приём явилась девушка в сопровождении матери и заявила, что её накануне пытался изнасиловать уважаемый в городе человек – главный инженер департамента коммунального хозяйства. Этому предшествовал корпоративный праздник этого славного заведения, завершившийся к вечеру коллективной выпивкой. Поскольку уже стемнело, главный инженер вызвался проводить захмелевшую девицу, которая трудилась у них в канцелярии. По дороге напал, стащил с неё одежду, повалил в кусты, чтобы изнасиловать, но она чудом выскользнула, и побежала, не разбирая пути. Главный инженер, хотя и в хлам пьяный, пытался её догнать. На её счастье она увидела освещенный вход, куда и забежала. Оказалось, что это котельная городской бани. Истопник, увидев её плачевное полуголое состояние, заперся изнутри и вызвал полицию. Главный инженер сначала побарабанил в дверь, но, поняв, что дело не выгорело, ещё до приезда полиции ушёл.

Вот и вся история.

Девушка и её мать, сидя перед Игорем, заливались слезами, и жаждали возмездия. Разъяснение о том, что подобные дела возбуждаются исключительно по заявлению потерпевшей и не подлежат прекращению за примирением сторон, вызвало бурю возмущения и упреков: что следователь не на их стороне, и как вообще он мог подумать, что кто-то будет примиряться после такого зверства.

Игорь приступил к процессуальному бумаготворчеству. Когда дошло до описания одежды, мать торжественно выложила на стол пакет, и на удивлённый взгляд Игоря с гордостью заявила:

– Вот блузка, юбка, бюстгальтер и трусы. Не сомневайтесь, всё выстирано и поглажено.

Игорь сначала разозлился, хорошо понимая, что и биологические следы преступника, и микрочастицы с его одежды утрачены, а, значит, не будет и основных объективных доказательств. Но потом, взглянув на мать жертвы, понял и её. Вот ведь, несмотря на такое горе, собралась с духом, привела всё в порядок, чтобы не стыдно было выложить перед посторонним, тем более мужчиной. Пришлось Игорю приобщать к протоколу, то, что было.

Он направил девушку на судмедэкспертизу к Реброву. В общем, машина следствия закрутилась.

Главный инженер всё отрицал, утверждая, что после вечеринки они уходили вместе, но разошлись, и он один пошёл домой. Ни на кого он не нападал, никого не насиловал и, вообще, он дипломированный инженер, офицер запаса, имеет семью и двух детей, с чего бы ему насилловать? Его адвокат, специально приглашённый из Москвы, забрасывал Игоря всякими вздорными ходатайствами, а при личных встречах настойчиво просил рассматривать всю историю как добровольный отказ его клиента от совершения преступления.

Не обрадовал и Ребров. По его заключению несколько царапин у девушки не характерны для повреждений при изнасиловании, девственная плева не нарушена, на смывах с тела посторонних генетических следов не обнаружено, не говоря уже о сперме.

Коллеги из коммунхоза, словно сговорившись, пьянку припоминали неотчётливо, кто с кем и когда ушёл, уверенно сказать не могли.

Твердыми были показания только одного свидетеля – истопника из бани.

Мужичок оказался третий, не особо разговорчивый, и, как показалось Игорю, судимый. Хотя и заявил для записи в протокол, что не привлекался. Он связно рассказал, что произошло. Описал и девушку, и её разорванную на груди блузку, и то, что трусы и юбку она держала в руках. Она ревела и повторяла, что на неё налетел их главный инженер. Дверь он запер, кто-то действительно стучал и пытался рывком её открыть, но засов выдержал. Кто это рвался, истопник не видел. Потом приехала полиция, и девушку увезли.

Чудеса начались две недели назад. К Игорю заявила потерпевшая и сказала, что желает забрать заявление. Мотивация у неё простая. После случившегося она успокоилась, главный инженер тоже переживает и предлагает ей пожениться. Со своей женой он для такого случая готов развестись. Сама она такой жертвы от него не желает, потому что хорошо знает и его жену, и детей. Кроме того, она дружит с Русланом. Они уже три раза ходили на танцы, и Руслан, несмотря на случившееся, хочет взять её в жёны. Руслан очень хороший, только он должен спросить разрешения на свадьбу у родителей, потому что он с Кавказа, а у них так принято. А если будет суд, то родители согласия не дадут. Следовательно обязан войти в её положение и отдать заявление. Потому что иначе ей в городе не жить, с этим судом один позор и от людей укоризны, что, мол, сама была выпивши и сама виновата.

Хотя логика её вполне понятна, Игорь, как мог, мягче объяснил, что заявление он «отдать» не может. Он их с матерью о том предупреждал, и она сама в этом расписалась. После этого девушка разрыдалась и убежала из кабинета.

Ещё через неделю в следственный отдел поступила копия жалобы от потерпевшей на имя Генерального прокурора России о сплошных нарушениях её прав и безразличном отношении к её чувствам со стороны молодого и неопытного следователя, которому нельзя доверять человеческие судьбы. В жалобе применялись такие словосочетания, что чувствовалась рука опытного крючкотвора. Скорее всего, основу писал адвокат обвиняемого, а слёзные обороты дописали потерпевшая и её мать. Но жалоба есть жалоба, надлежит рассмотреть и дать ответ в установленный законом срок.

Предстояло отписываться на все уровни и готовить дело к проверке. В один из вечеров этим Игорь и занимался в своём кабинете, когда к нему неожиданно зашла заместитель руководителя следственного отдела Петрова, чего раньше никогда не бывало.

Петрова излучала доброжелательность и спросила разрешения закурить. Закурив, поискала глазами пепельницу, но у некурящего Игоря таковой в кабинете не водилось. Тогда Петрова ловкими движениями сложила из листа бумаги корытце, куда и стряхнула пепел.

– Ну как дела? – завела она разговор.

– Дела у прокурора, у нас делишки, – пошутил Игорь, не понимая цели её визита.

– Да это мы знаем. Ты скажи, как у тебя с нагрузкой, справляешься?

– Четыре дела в производстве, вроде справляюсь. Только по нарушению безопасности труда сроки большие, а так в графике.

– Будут сложности, скажи, поможем. Как дело об изнасиловании движется?

– Движется к завершению. Правда злодей вины не признаёт. Адвокат у него ушлый, да и потерпевшая может сюрприз подкинуть. В основном на показаниях основываюсь, экспертиза мало что дала.

– При таком раскладе судебной перспективы у дел не бывает. Одна морока только с такими потерпевшими. Да ещё прокурор пару раз дело возвратит на доследование из-за недостатка доказательств. Понапишет десять листов указаний. Попробуй их выполни. Короче не стоит овчинка выделки.

– Что же мне делать?

– Думай, ты следователь. Я бы лучше прекратила. Чем доследы на отдел вешать. Обвиняемый хоть не под стражей?

– Нет, с первого дня под подпиской о невыезде.

– Тем более, если прекратишь, больших разборок не будет. Думай.

С этими словами Петрова кабинет покинула. А Игорь действительно задумался. В своей правоте он уверен, но и Петрова, с её опытом, не просто так воздух сотрясает. Вполне дело может зависнуть, не добравшись до суда. Не хотелось этим службу начинать. Мало того, что будут потом год склонять на всех совещаниях, упрямым дураком перед той же потерпевшей, пусть со всеми её извивами, выглядеть не хотелось.

Время шло, но окончательное решение Игорь принять пока не мог. А тут подвалили хлопоты с убийством Садакова, и он отвлёкся.

Но сегодня он решил наверстать упущенное время и вызвал полицейских, которые выезжали в баню, на сообщение об изнасиловании. Старшим наряда оказался тот самый сержант, что перетаскивал Игоря через ручей. Он сразу заулыбался. Протянул для пожатия руку и поинтересовался:

– Ты никому не говорил?

Игорь поклялся, что про необычную переправу не рассказывал, умалчивая пока про ролик в интернете.

– Все и так знают. Ребята подкалывают, а командир взвода обещался овса выписать вместо премии. А куда деваться-то было, ведь осмотр надо было делать. И как только узнали?

Тут уж Игорь не утерпел и наябедничал на репортёров.

– Ну и суки... – протянул сержант, – ладно, сочтёмся.

Планы мести пришлось пока отложить и начать разговор про вызов в баню.

Рассказ сержанта во всём совпадал со словами потерпевшей и истопника. Это же позже подтвердил и его напарник-водитель. Ещё они оба вспомнили, что на подъезде к бане в свете фар машины видели пьяного мужика в порванной белой рубашке, но останавливаться не стали, спеша на вызов. По их описанию это и мог быть главный инженер. Надо спланировать обыск и постараться найти эту порванную рубашку, а обвиняемого предъявить ребятам для опознания. Игорь, торопясь, делал пометки в ежедневнике.

В это время появился Куницын и предложил пойти к Белову, чтобы поговорить. Так и сделали. Белов отложил толстенную подшивку бухгалтерских документов и приготовился слушать.

Сначала Игорь рассказал, про поход к Иванову, а Куницын поделился информацией, полученной от подполковников, предупредив, чтобы дальше это не утекало.

Белов призадумался, а потом посоветовал:

– Ты, Игорь, на совещании расскажи про нападение на Иванова, всё-таки – причинение тяжких телесных повреждений (тьфу-тьфу может и обойдётся) и угроза убийством, надо дело возбуждать. Ты заявление-то взял? Молоток, растёшь в моих глазах. Но соединять дела об

убийстве и нападении на Иванова пока рано, пока надо параллельно порасследовать. Начальство, скорее всего, возражать не будет. Главное – под этот расклад экспертизы назначить по окуркам и гильзам. Пулю-то из трупа Горячкин уже вроде отправил в Москву. Теперь по Садакову. Похоже, что он действительно шантажист, за что и поплатился. Ты, Женя, срочно узнай, где фирма Садакова работала крайний раз. Думается, там надо искать, если убийство не месть за прошлые грехи. И, чтобы помочь Игорю, нарисуй там у себя бумажку, что есть сведения от агентуры, мол, лица, напавшие на Иванова, курили и стреляли на том месте у дороги, тогда он сможет экспертизу назначить. А главное, нам нужно точно узнать, что все эти упыри ищут и зачем машину сожгли. Понятно? Ну, все расстаёмся, пора на совещание.

Уже на ходу Игорь попросил Куницына помочь провести обыск у инженера-наильника, тот обещал утром прислать кого-нибудь из своего отдела.

18

Совещание в режиме телефонной конференции прошло гладко. Все сидели как на экзамене. Зинченков не зверствовал. План расследования выполнялся, экспертизы по пуле, сгоревшей машине и найденным в ней пальцевым отпечаткам назначены. Дементьева доложила про обыск дома у Садакова и допрос в его офисе. Завтра, в субботу, она собиралась выезжать на дачу Садакова. Величко, весь изъеденный комарами, коротко доложил, что на месте преступления ничего обнаружить не удалось. Про найденную минометную мину времен войны и десятки проржавевших винтовочных гильз, он, наученный вчерашним горьким опытом, умолчал. Зинченков велел вновь расширить пределы поиска и отработать пути возможного отхода. Петя сдавленно ответил:

– Есть отработать.

Игоря на этот раз не ругали. Зинченков только предостерёг, чтобы основное дело не засоряли посторонними эпизодами и отслеживали, когда Иванова выпишут. После чего бодро подытожил:

– Ну, я вижу, выводы сделаны. Давайте ускоримся в своих действиях. Сроки раскрытия никто не отменял. Завтра, как договаривались, у всех рабочий день. Вечером жду доклад. У меня всё. Отдыхайте.

Сорокин разрешил всем удалиться, кроме Игоря. Предстоял новый неприятный разговор, что стало понятно по выражению лица руководителя.

Игорь обреченно сидел на своём месте за столом совещаний и не пытался начать разговор. Сорокин тоже выдерживал паузу. Так прошло минуты три.

– Ну, что герой, допрыгался? Главврач на тебя жалуется, говорит, ты всех больных из палаты выгнал, даже лежащих, и медсестре нагрубил. Скажи, ты кем себя воображаешь? – начал заводиться Сорокин.

– Валерий Иванович, да всё не так было, – запротестовал Игорь.

– Да ладно тебе, дыма без огня не бывает. С чего бы это главврач, солидный человек начал тебя оговаривать? Сам посуди, что мне с тобой делать? Ты, Игорь Николаевич, почти полтора года работаешь в нашем отделе, а я тебя не понял, и чего от тебя ждать в следующую минуту, я не знаю. Четыре дела в производстве, завершать расследование ты и не думаешь, а теперь убийство это резонансное на нас свалилось, тоже одни неприятности. Закончится тем, что к нам пришлют комплексную проверку и повешают всем взысканий. А тебе старлея скоро получать, да и мне до подполковника меньше года осталось. Думай, уважаемый, и делай выводы. Может, ты со следствием погорячился, не твоё это? В Москве квартира, родители, а ты здесь мучаешься. Зарплата небольшая, рабочее время, считай, полные сутки, стрессы постоянные. Имей в виду, следствие – это такая работа, которой без огромного желания нельзя заниматься. Если интереса к профессии нет, лучше тихо уйти и не занимать место. Желающие поработать найдутся. Ещё раз прошу, подумай. А если снова узнаю, что вы там с Беловым керосините, накажу обоих. Вот так, делай выводы. Свободен, – руководитель отдела махнул рукой, отпуская Игоря.

Тот поднялся и направился к выходу.

– Да забыл совсем, за этими проповедями, главврач ещё сказал, что этот избитый Иванов, вспомнил что-то важное и просил, чтобы ты пришёл, – в спину Игорю добавил Сорокин.

В невесёлых раздумьях Игорь спустился на первый этаж. Все обитатели кабинетов уже разошлись по домам. Но у двери Игоря стоял защитник инженера – насильника Веселовский, в явном ожидании.

Этот невысокий, рано располневший парень просто излучал добродетельность и благородство. Несмотря на жару и поздний вечер его светлый летний костюм и голубая рубашка

были свежими, из верхнего кармашка пиджака торчал уголок платка, подобранного в тон к галстуку. Запах незнакомого Игорю, но явно непростого парфюма, заполнил неширокий казённый коридор.

– Вы извините, я без звонка, и только на минуточку, – просящим тоном произнёс Веселовский, – вот приехал передать для приобщения к делу характеристику на моего подзащитного. Прошу убедиться, что она сугубо положительная и будет способствовать прекращению дела.

Удивлённый Игорь взял листок характеристики и посмотрел в глаза адвокату. Тот улыбнулся, вытащил из кармана мобильный телефон, что-то быстро набрал на клавиатуре и сунул под нос Игорю, который, увидев на экране цифру два и шесть нолей, опешил и спросил:

– А чей это номер?

Веселовский, умиляясь бестолковости неопытного в таких делах следователя, сладким голосом пропел:

– Не номер это, а сумма. Ну, вы же всё понимаете, ведь с вами разговор составили?

Тут, на беду Веселовского, до Игоря дошло. Вся накопившаяся досада неожиданно провалилась и придала ему решимости. Схватив защитника за воротник, Игорь резко развернул его к выходу и со всех сил поддал коленом в копчик. Веселовский, в своём благодушии не ожидавший нападения, бомбой вылетел в вестибюль. Там вневедомственный охранник, мирно готовящийся после дневной сутолоки к вечернему затишью, от неожиданности опрокинул на себя свежесваренный чай и взвыл.

Его вопль добавил новый импульс адвокату, который бегом выскочил во двор, плюхнулся в приземистую иномарку и газанул в сторону Москвы.

После крика охранника Игорь опомнился и вышел в вестибюль. Тот, причитая, пытался отряхнуть горячую воду со своей черной униформы, расшитой разноцветными шевронами.

Игорь, продолжая сжимать в левой руке измятый листок с характеристикой, счёл уместным извиниться:

– Прости, Михалыч. Видишь, как неловко вышло, очень уж адвокат торопился, прямо не удержать, ты уж не взыщи.

– Вы, черти, заикой сделаете, ладно, чего уж там, проехали, – начал успокаиваться охранник.

Игорь, вернулся в кабинет, попробовал разглядеть ладонью характеристику, но получилось не очень.

Решил позвонить Ирине, узнать, как её учёба, и пожаловаться, что суббота выпала рабочая, и он в Москву не приедет. Может только в воскресенье на пару часов. Но разговор не заладился. Ирина отвечала односложно, а узнав про субботу, сказала, что всё равно она с родителями на все выходные уезжает на дачу, и встретиться не получится.

Оставалось идти домой. От размеренного шагания Игорь постепенно пришёл в себя, но анализировать события этого дня не хотелось. В таких случаях, чтобы отбросить неудобные мысли, Игорь вслух резко командовал себе: «Отставить!» Этот способ он нашёл в какой-то заумной книжке по психологии, которую читал ещё на юрфаке, держа под столом, во время скучнейшей лекции по экологии.

От содержания книжки в голове вообще ничего не осталось, кроме этой фразы. Но она каким-то чудесным образом Игорю помогала. Помогла и сейчас. Но освобождённые мозги стали требовать не духовной, а самой насущной, телесной пищи. После утреннего чая с сухарями в кабинете Куницына других калорий организм не получил и сейчас бунтовал. Магазины давно уже закрыты. Топать в ресторан, набитый по случаю окончания недели пьяными компаниями, совсем не хотелось. Зайти к кому-нибудь на огонёк, а заодно и на ужин Игорь тоже не мог, потому, что таких знакомых за всё время работы в Калашине у него пока не появилось.

Оставалось мечтать, что нечто вкусненькое само-собой зародится в стареньком холодильнике. После мрака подъезда, свет в прихожей резал глаза. Игорь долго раздевался, оттягивая момент открывания холодильника, как бы давая тупому ящику шанс опомниться и нарисовать в своих недрах что-нибудь съедобное.

Волшебства не получилось. Полки были пусты. Игорь оглядел кухню. Никаких запасов он не держал, кроме пакетиков чайной заварки. Только соль в красивой старинной солонке, арендованной вместе с квартирой. Вдруг вспомнив, что кроме соли есть ещё и сахар, Игорь рывком открыл настенную полку и вытащил на Божий свет стеклянную литровую банку, на треть, заполненную сахарным песком. Ничего другого не оставалось, как питаться им. Подспорьем послужила здоровенная хозяйская столовая ложка. В армейских коллективах такие за свой размер называются «ефрейторскими», что, разумеется, подчёркивает старательность названной категории военнослужащих во всём, включая еду. А вовсе не их прожорливость и стремление урвать побольше.

Расположившись за столиком у окна кухни, Игорь начал черпать ложкой из банки и запивать водичкой. Постепенно голод отступал. Вспомнив, что сахар производят из свёклы, Игорь постарался мысленно представить весь процесс превращения овоща в сладкие кристаллы. Они потрескивали на зубах, и Игорю стало казаться, что у потребляемого блюда имеется привкус свеклы. Хотя никакой сахарной свеклы он в жизни не пробовал. Запив остатки сахара водой, Игорь почувствовал, что сыт и готов ко сну.

Встать он решил пораньше, чтобы успеть до работы забежать в кафе-кулинарию и слопать там двойную порцию омлета с сосисочками. Нормальной еды всё-таки хотелось.

19

Суббота действительно выдалась трудовой. Дементьева с Беловым на служебной машине с утра укатили в соседний район обыскивать дачу Садакова.

Величко, которому жена успела купить в рыболовном магазине накомарник, вырядился в камуфляжный костюм и выглядел заправским рейнджером. Он подждал кинолога с собакой, для которой припас кулёк с угощением, успев сдружиться за эти дни.

Петрова и Горячкин засели в кабинете у шефа. Не видно было только Раджабова.

Умиротворённый после утреннего пиршества, Игорь подготовил постановление об обыске у инженера-насильника, сбегал подписать его к Сорокину и ждал оперативника от Куницына, чтобы заехать к дежурному судье, получить разрешение на обыск и двинуться к злодею домой. Оперативник по имени Витя приехал на личной «Ладе» и явно торопился по каким-то своим делам. Но пришлось подождать, пока судья рассмотрит материалы и оформит своё решение.

Время близилось к полудню, когда они позвонили в квартиру главного инженера, обвиняемого в покушении на изнасилование. Открыла высокая красивая женщина в стильном платье. Игорь объявил, зачем они пожаловали, назвал себя и представил полицейского. Лицо женщины стало напряженным и пошло красными пятнами, она начала сдавленно выкрикивать:

– Придумали в выходной день! Делать вам больше нечего, как по чужим квартирам шляться! Прав таких нет! Нашли уголовников! Эта девка сама виновата, наболтала, чего не было, а вы и рады!

– Вы, гражданка, не шумите, мы действуем по закону. Мужа позовите сюда и двоих соседей как понятых, – увещевал её Игорь.

Но всё было напрасно, женщина разошлась вовсю и, продолжая орать, загородила собой прихожую. На заднем плане появился и виновник торжества, он тоже был разозлён и испуган.

Все эти препирательства имели и светлую сторону. На шум стали открываться соседские двери, и Игорь пригласил пожилую супружескую чету стать понятыми. Накал страстей начал остывать, и участникам обыска удалось пройти в комнату и расположить понятых на диване.

Игорь зачитал постановление и попросил в нем расписаться, но разъярённые хозяева отказались. На предложение выдать одежду, бывшую на обвиняемом в день происшествия, последовал такой поток ругани, что Витя пригрозил вызвать наряд.

Приступили к обыску. На счастье, детей в квартире не было. Всегда неприятно копаться в чужих вещах, а если это приходится делать на глазах ни в чем не повинных ребятишек, тем более. Пусть их мамы и папы хоть триста раз виноваты, маленьким это не объяснишь, для них всё равно трагедия, когда чужие дядьки шарят в их игрушки.

Больше часа Игорь и оперативник перерывали квартиру. Игорь даже залез в стиральную машину и духовой шкаф в газовой плите, но никаких следов рваной рубашки не отыскивалось. Потом осторожно покопался в мусорном ведре, но и там ничего не нашёл. Надо было сворачиваться. Опер Витя нервничал, поглядывая на часы. Хозяева понемногу успокоились и стали отпускать злорадные комментарии. Игорь начал составлять протокол. Неожиданно ему в голову пришла одна мысль, он обернулся к инженеру:

– Где стоит ваша машина?

– Это здесь причём? Я в тот вечер вообще пешком шёл, за руль не садился, – возмутился инженер.

– Нечего придумать, так к машине теперь прицепились! – высказалась и супруга.

Опер Витя, которому вся эта свистопляска надоела, взял со столика в прихожей автомобильные ключи с брелоком сигнализации и, подойдя к открытому окну, нажал кнопку. Белый внедорожник внизу два раза услужливо пискнул, поморгав фарами.

– Вот она, голуба, – подытожил оперативник. Игорь пригласил участников обыска на улицу к машине. Сам пошёл впереди, за ним инженер, потом полицейский, а следом понятые. Сердитая супруга осталась дома и презрительно рассматривала процессию с третьего этажа.

Сначала открыли передние дверцы, проверили бардачок, приподняли коврики, но там ничего подозрительного не имелось. Потом откинули подушки заднего сидения и осмотрели место хранения домкрата и ключей. Никаких тряпок и там не нашлось. Пришло время багажника. Ни в нём, ни под резиновым покрытием ничего не было. Витя начал было закрывать багажник, но Игорь краем глаза заметил, что инженер при этом как-то облегченно выдохнул.

– Ну-ка постой, – Игорь рукой придержал готовую захлопнуться дверцу и повнимательнее осмотрел изнутри панели багажника.

На внутренней стороне дверцы имелась пластмассовая крышка, закрытая на четыре поворотных задвижки. Когда её сняли, то внутри полости обнаружилась смятая в комок белая мужская рубашка. Игорь, аккуратно держа её кончиками пальцев, расстелил в багажнике вверх пуговицами. Все увидели, что несколько пуговиц вырваны «с мясом», а в области груди тонкая белая ткань вымазана дамской губной помадой, вся в пятнах и каких-то чёрных разводах, похожих на следы от туши для ресниц.

Игорь указал понятым на эти особенности и прямо на капоте машины дописал протокол, не пожелав вновь подниматься в негостеприимную квартиру. Вручив копию протокола, сразу поникшему инженеру, Игорь поблагодарил понятых.

Оперативник Витя, которого покинули муки ожидания, весело сказал инженеру:

– Что дядя, жаба тебя задушила, решил рубашку на протирку приберечь?

Тот, не отвечая, пошёл к подъезду.

Игорь попросил подкинуть его в больницу и там оставить. Витя легко эту просьбу выполнил и рванул, наконец, по своим делам.

По случаю субботнего дня режим в больнице был помягче, и Игорь беспрепятственно проник в знакомую палату. Там находились всего двое: Иванов полулежал на своей койке, второй больной что-то разбирал в своей тумбочке, но увидев Игоря, всё понял, и сразу вышел в коридор.

Поздоровавшись, Игорь поинтересовался, где остальные? Оказалось, что в субботу – день посещений и обитатели палаты гуляют в больничном саду.

Иванов, подтянув подушку повыше, стесняясь, заговорил:

– Я, почему вас просил зайти ещё раз. Всё думаю, что эти гадам от меня было нужно, ведь не брал я ничего. Да и вы, как я понял, ничего особенного в машине не нашли. Кто же тогда эту штуковину забрал?

– Ну, наверное, не леший, – пошутил Игорь.

Иванов шутки не принял:

– Вот, что я припомнил. В то утро, когда я к полянке подходил, я вроде стрёкот мотоциклетного двигателя услышал и удивился ещё, сквозь туман две фары светили, а не как у мотоцикла – одна. Вот и думаю, может меня кто-то утром и опередил на мотоцикле, завернув с автотрассы. Мог этот человек наткнуться на покойника и что-то забрать? Запросто мог. А меня ни за что отметили.

– Да, интересно. Надо проверять. Спасибо, выздоравливайте! Сколько ещё держать вас тут планируют?

– Врач говорит дней пять.

– Ну, всего доброго, если что-то ещё в памяти всплывёт, скажите врачу, мне передадут. До свидания!

Считая, что для субботы он ударно потруился, Игорь возвратился в отдел. Там приготовил для экспертизы изъятую рубашку, и отдельно, найденные у дороги окурки и гильзы. Набрал по внутренней связи Сорокина и попросил разрешения в понедельник появиться на

службе после обеда, поскольку с утра надо было в Москве сдать вещдоки на экспертизу. Сорокин разрешил, но велел подняться к Горячкину, который составлял вечернюю докладную, и дать данные о сделанном за день. Выполнив это, Игорь набрал домашний номер и предупредил взявшую трубку мать, что приедет поздно вечером, пусть не беспокоятся.

Надо было спешить на электричку.

20

Расположившись в полупустом вагоне, Игорь для верности разместил рюкзачок с материалами дела у себя под боком, прижав к стене.

Он с детства любил такие железнодорожные путешествия, когда всей семьёй ездили на дачу или просто гулять в лес или на реку. Вот и сейчас можно не думать ни о чём, просто глазеть на пробегающие за стеклом перелески и шестисоточные посёлки.

Путь был долог, ехать предстояло около двух часов. Для Игоря вообще любая поездка на электричке представлялась длительным приключением. Это даже сыграло с ним злую шутку, когда он ещё учился в институте. Тогда отцу дали долгожданную трехкомнатную квартиру на окраине Москвы, и после переезда выяснилось, что до центра удобнее всего добираться на электричке. Железнодорожная платформа была в пятнадцати минутах ходьбы. Игорь пробегал этот отрезок пути утром даже быстрее, потому что дорога шла под горку. Но потом, втиснувшись в переполненный вагон, предстояло терпеть две остановки до Киевского вокзала. Хотя это и продолжалось не больше десяти минут, но для Игоря, по ассоциации с детскими поездками, с навязчивыми путевыми запахами мазута, креозота и раскалённого металла, это составляло целое железнодорожное путешествие, и по ощущениям он будто проделывал дальний путь и от этого сразу уставал.

Потом неподалёку от их улицы прорыли метро, а составы метropоездов, как известно, совсем другое дело.

В вагон с разных концов вошли контролёры. Игорь сидел примерно посередине и стал загадывать, кто из них первый доберётся до него. Женщина, наступавшая против хода состава, или мужчина, приближающийся с тыла. Опередил мужчина, и Игорь не угадал. Женщина увлеклась разборками с пожилой четой, билеты которых никак не отыскивались, и затормозила метрах в двух от Игоря.

Он предъявил свой билет и подивился в очередной раз, что прогресс проник и в такое рутинное занятие, как проверка проездных документов. Знакомые многим клацающие щипцы контролёров заменил портативный сканер, который мигнув на штрихкод билета красной амбразурой, удовлетворённо пискнул. Можно было ехать дальше. Игорь вспомнил байки Белова про былые годы со сказочными подробностями, что, мол, раньше следователи разъезжали на электричках, просто показав удостоверение, да и пистолеты им якобы выдавались для постоянного ношения. Уважаемый, конечно, Белов человек, но приврать любит.

Между тем начинались пригороды Москвы. Дачные поселки сменились бетонными заборами, сплошь испещрёнными рисунками и надписями, которые, в свою очередь, накрывали новые слои краски. Сколько аэрозольных баллончиков израсходовали старательные подростки, не поддавалось воображению. Толкаемые первобытными инстинктами, эти гомо сапиенс фиксировали своё представление об окружающем мире ровно таким же способом, как их предки, десятки тысяч лет назад раскрасившие охрой стены своих пещер.

Только прашуры, прилагая немалый труд, и то, что мы теперь называем художественным вкусом, усиленно украшали свои укромные жилища. А современные троглодиты, вооружившись банкой пива и пульверизатором, марают плоскости заборов, формулируя этим свой вызов обществу, явно не стремясь доставить приятное ближнему. Людей они заставляют вынужденно любоваться аршинными лозунгами и корявыми рисунками, ведь сидя у окна электрички нужно либо зажмуриться, либо отвернуться, чтобы не увидеть их творчество.

Самостийные бетонные вернисажи уступили место в придорожном строю приземистым рядам частных гаражей. Эта примета ушедшей эпохи значила многое. Иметь автомобиль могла далеко не каждая советская семья, и ещё меньше счастливых обладателей стен и крыши, в которых четырехколёсное чудо отечественного автопрома укрывалось от посторонних завист-

ливых глаз. Этот особый гаражный мирок, где, как в бане, все были равны: и работяга, и профессор, сформировался и жил по собственным законам. Постоянная необходимость мелкого ремонта, хлопоты с подзарядкой аккумуляторов и заклеивкой пробитых автомобильных камер объединяли и сплачивали ряды гаражевладельцев. Чего греха таить, укреплялось братство и распитой в тиши гаражных боксов бутылочкой водочки, тем более что закуску, в виде домашних закруток, многие хранили тут же.

Распалась гаражная идиллия вместе с распадом Советского Союза. Поток сначала подержанных, а потом и новёхоньких иномарок хлынул в Россию. Такие аппараты на колесе в гараже не выловишь. Да и парковать машинки начали просто во дворах и на улицах. На разные лады стали завывать по ночам сирены сигнализаций, да и они как-то стихли, уступив место более совершенным системам электронной защиты. Главное в том, что машина перестала быть фетишем, на который обычная семья копила долгие годы. Автомобиль, по смелому предначертанию классиков сатиры, стал не роскошью, а средством передвижения. Причём ежедневного. Вышел из подъезда, сел и поехал, ну разве зимой снежок смахнешь. Не то, что раньше: аккумулятор в морозы не садится, никакие жидкости не замерзают и сидения тебя подогревают, а не ты их. Удобно же. А гаражные бараки меж тем ветшают, превращаясь в склады ненужного барахла или, в лучшем случае, в сомнительные автосервисы, обслуживаемые ушлыми выходцами с юга.

В полосе отчуждения железной дороги потянулись товарные дворы предприятий с подъездными путями, а потом и стеклянные параллелепипеды офисных центров и торговых комплексов. Разноцветными переливами отражались в двойном вагонном стекле их рекламные транспаранты.

Совсем стемнело. В вагоне давно включили освещение. За окном под яркими прожекторами переплетались и ныряли во тьму рельсовые колеи. Подъезжали к вокзалу. Пневматические двери дружно открылись, выпустив пассажиров. Выйдя с платформы Игорь, привычно срезая путь, через небольшой сквер устремился к метро. Теперь можно считать, что дома.

21

Дверь в квартиру он отпер своим ключом, опасаясь, что родные уже спят. Но его ждали. Мать с отцом сидели у телевизора, а брата дома не было, он, по словам отца, «зависал» в клубе. Новое словечко в устах отца звучало насмешливо, но не ворчливо. Мать засуетилась с угощением, но Игорь, сунув в угол свой рюкзачок, пожелал сперва принять душ. В ванной все оставалось привычным, и даже запахи ощущались как какие-то родные. Вода и шампуни смыли усталость, разбудив дикий аппетит.

Наскоро вытираясь белым пушистым полотенцем Игорь, с большим для себя удивлением, увидел рядом с бритвой отца ещё один трехлезвийный «Жиллет». Ай да, Борька, бриться начал, а всё равно младший брат казался ребёнком.

На маленькой кухне стол был уставлен тарелками. Любимая жареная картошечка, салат оливье и даже домашний студень. Не говоря уже о пирожках с капустой. Мать явно старалась угодить не часто навещавшему их сыну. Отец предложил водки, а когда Игорь отказался, вторую рюмку убрал и достал из холодильника пару бутылок чешского пива. Тоже значит, по своей линии готовился и специально ходил за два квартала в большой супермаркет.

Пока Игорь насыщался, говорили наперебой мать и отец. Игорь только мычал в нужных местах, давая понять, что сопереживает и участвует в обсуждении.

Когда тарелки сгрузили в мойку, настало время серьёзных разговоров. Игорь потягивал пиво из высокого тонкостенного бокала, что не мешало ему рассказать про жизнь и про работу в Калашине. Врать он, конечно, не врал, но во все перипетии служебных заморочек родителей не посвящал, понимая, что грузить их своими проблемами не надо.

Мать допытывалась про отношения с Ириной, имея в виду логический шаг к бракосочетанию, но Игорь порадовать её не мог, отговорился, что всё нормально. Хотя и сам чувствовал, что после его решения работать в Калашине, что-то в их общении изменилось.

Отец, желая сменить неудобную тему, вдруг заговорил про покупку машины. Тема не новая. После деда оставался жигулёнок, и Игорь даже поколесил на нём пару лет до армии. Но аппарат был настолько ветхий, что грозил развалиться прямо на ходу.

Признанный автомобильный авторитет дядя Гриша из третьего подъезда, ползав под днищем, вынес верной лошадке смертный приговор. Пришлось продать её на разборку в гаражи. И её ржавые сочленения растворились как запчасти в одноплемennых изделиях волжского автогиганта.

На покупку чего-то поновее в семье денег не хватало, и эту тему Игорь даже не поднимал. А тут отец начал сам, и мать помалкивала, значит, всё уже обсуждено заранее. Игорь приготовился слушать.

Хотя отец работал в районной клинике рентгенологом больше двадцати лет, скопить нужную сумму ему, конечно, проблематично. Но подвернулся случай. Один из коллег продавал поддержанную Ниссан «Альмера». Тёмно-синюю, не битую, на ходу и недорого. Всего двести тысяч. Можно не всю сумму сразу. Отец явно этой идеей загорелся. Игорю было неудобно таким способом одалживаться у родителей, но иметь машину хотелось.

– К нам, может, почаще будешь приезжать, сынок, – поддержала мать.

– Только вот с гаражом мне в Москве не решить, там-то, у себя, ты как-нибудь пристроишься, – сокрушался после пяти выпитых рюмок отец

– Не беспокойся пап, не очень и нужен гараж, тем более в Калашине, – успокоил Игорь.

Порешили, что завтра сходят посмотреть, в каком состоянии машина. Родители поднялись из-за стола, готовясь идти спать.

– А Борька, когда придет? – удивился Игорь.

Отец только рукой махнул:

– Заявится за полночь, ты его не жди, завтра наговоритесь.

Игорь заснул, как провалился. Никаких мыслей ни про работу, ни про Ирину его не посетило.

22

Разбудили солнечные лучи. На кухне позвякивали тарелки, мать готовила завтрак. Игорь поднялся, сделал несколько круговых движений руками, долженствующих изображать зарядку и заглянул в комнату брата. В котором часу тот явился домой Игорь не заметил, проспал. У брата на стене комнаты висели два компьютерных монитора, стол под ними был завален какими-то электронными платами, жгутами проводов, там же ютились две клавиатуры. В углу пылились их старенькая гитара и пара гантелей. Брат тихо посапывал, до бровей накрывшись простынёй. Не став его будить, Игорь ушёл на кухню. Родители уже отзавтракали. Отец пролистывал профессиональный медицинский журнал, мать в очках перебирала фасоль, и Игорь понял, что на обед будет его любимый суп. Он поздоровался и занял своё место, которое, наверное, сейчас занимал бы Борька, если бы не проспал. На завтрак была овсяная каша и сваренные в мешочек яйца. Игорь принялся за еду, поглядывая на отца. Тот, поняв его нетерпение, оторвался от журнала и вышел в прихожую к телефону. Коротко переговорив, он крикнул оттуда сыну, что Рубен их ждёт. Игорь с Рубеном был знаком, тот много лет работал в одной больнице с отцом, а сейчас заведовал хирургическим отделением. Жил он неподалёку, поэтому отправились пешком.

Машина была припаркована во дворе дома, и пока отец поднимался к Рубену в квартиру, Игорь при ярком солнечном свете рассматривал свою будущую лошадку, стараясь заметить возможные изъяны. За исключением свежей царапины на водительской дверце, никаких замечаний не было.

– Ты чего тут парень высматриваешь? – обратился к Игорю седой мужчина, выведший на прогулку двух шпицев. Собачки, как по команде, строго смотрели на Игоря.

Игорь развернулся к нему, улыбнулся такой самодеятельной бдительности, и примирительно подняв ладони, успокоил:

– Уже никто ничего не высматривает. Нет причин для беспокойства.

Но мужчина продолжал стоять рядом, пока не вышли отец с Рубеном. Рубен поздоровался с Игорем и с женщиной, который после этого выключил свою подозрительность и удалился на дальний газон выгуливать псов.

– Как вырос, как вырос, – приговаривал Рубен, похлопывая Игоря по плечу, – совсем мужчина, женить пора.

– Молодой ещё, погулять надо, – в тон Рубену сказал Игорь.

Рубен снял машину с сигнализации, открыл капот, багажник. Предложил Игорю сесть на водительское место, словом показывал товар лицом. Про царапину на дверце, прицокнув языком, заметил:

– Позавчера, когда на работе все были, какая-то тёлка парковалась и две машины зацепила. Мою не сильно, а у Юрия Ивановича, – Рубен пальцем показал на гуляющего с собаками, – новую «Шкоду» пришлось на ремонт ставить. Вы не волнуйтесь из-за царапины, любой костоправ за полдня заделает, и не заметите, а я скидку дам. Ну, по рукам?

Отец, обменявшись взглядом с Игорем, решился:

– По рукам. Рубен, тогда на следующей неделе я деньги привезу, сразу и оформим. Игорь не возражаешь, если я на себя оформлю? Тебе лишний раз не отпрашиваться и в Москву не мотаться, да ещё я всё-таки афганец, участник боевых действий, налогов не платить.

Игорь согласно кивнул головой, всё было правильно. Попрошавшись с Рубеном, пошли к дому. Отец по дороге вспомнил, что мать поручала купить подсолнечного масла и молока, пришлось свернуть к гастроному. Пока отец отоваривался, Игорь прихватил полдюжины пива, себе и Борьке.

Когда вернулись домой, Борька уже не спал, но по недовольному виду было понятно, что мать пробудила его насильственно. Увидев брата, он широко улыбнулся и кинулся обниматься. Игорь с удивлением заметил, что за последние месяцы Борька вымахал ещё и стал на полголовы его выше. По звону бутылок в пакете братец угадал пиво и предложил сразу и отметить встречу. Воспротивилась мать, заставив его сначала позавтракать. Завтрак он проглотил молниеносно и сидел за кухонным столом, ожидая возможности высказаться. Родители, чтобы им не мешать, ушли в комнату, и засели у телевизора.

Игорь, подливая пива в бокалы, слушал бесконечные рассказы про компьютерные тусовки, про продвинутых пользователей, про специфический юмор сисадминов. Забавно, что это говорил младший брат, которого Игорь помнил карапузом, который не дотягивался ручонками до края стола, за которым они сейчас пили пиво. В широкой ладони Бориса стакан терял свои размеры. Игорь обратил внимание на сбитые костяшки пальцев:

– Что, братуха, приходится работать не только головой, но и руками?

Борис, погладив тыльную сторону ладони, смущенно объяснил, что это последствия занятий рукопашным боем. Игорь уважительно крутнул головой, признавая широту его интересов, и, улыбнувшись, не удержался:

– А дама сердца имеется?

– Конечно, имеется, – засмеялся в ответ брат.

– Молодец, только смотри – тебе ещё одиннадцатый класс оканчивать, ЕГЭ сдавать, – не удержался от нравоучений Игорь.

– Кончай, старшой, мать и так все уши прожужжала. Сдам я все эти тесты, да и ребята подиктуют, если что. Теперь знаешь, какие возможности у техники?

– То-то каждый год по телевизору наблюдаю, как таких умельцев пачками отлавливают, – подначивал Игорь.

– Да мы уже разработали один гаджет. Он плоский, не толще миллиметра, а может сигнал выдавать в интернет и отследить его можно везде, где покрытие сотовой связи есть. Только пока не удалось линейные размеры сократить, а то можно просто под кожу вживлять в любой точке тела, – расхвастался Борис.

– Ты с любой точкой поаккуратнее, – подколот Игорь, – тебе ещё жениться надо будет, а то случится утечка интима в мировое пространство

– Ты сам сперва женись, потом учи, – огрызнулся было брат, но смягчился и продолжил, – мы эту штуку пока в одежду зашиваем, прикольно, когда каждый вроде сам по себе, а на самом деле мы всегда вместе и никто вокруг этого не знает.

Идиллию прервала мать и, выгнав сыновей из кухни, стала стряпать обед.

Игорь предложил прогуляться, но брат сослался на неотложные дела, и засел за компьютер. Пришлось идти одному. Захотелось поехать в центр, побродить по знакомым с детства местам, посмотреть на них новым, взрослым взглядом.

По дороге к метро Игорь попробовал позвонить Ирине, но её телефон оказался вне зоны действия сети.

В метро Игорь понял, что успел отвыкнуть от людских водоворотов. На эскалаторе он с удивлением ощутил, что вглядывается в лица человеческого потока, набегающего сверху, и пытается представить, как эти чужие люди провели утро и вообще: как и чем живут.

Он даже помотал головой, отгоняя это наваждение, так недалеко и до психушки.

Солнечный воскресный день радовал всех. Толпа была нарядная, много детей всех калибров, в разноцветных колясочках и просто на шеях родителей. Доносились звуки бравурной музыки, но что именно это за марш Игорь не знал. Со слухом и музыкальной грамотностью у него было туговато. Даже в школе по пению ему больше четвёрки неставляли, хотя большинство соучеников в этой науке были круглыми отличниками.

Пройдя Александровским садом, Игорь пересёк Красную площадь, утыканную развлекательными павильонами, и оказался у храма Василия Блаженного.

Ещё школьнику, ему на экскурсиях втолковывали про особые архитектурные замыслы Бармы и Постника, по преданию создавших эту церковь по велению Ивана Грозного. Он дивился разноцветным луковкам больших и малых куполов, собранных затейливыми строителями в одну клумбу. И никак не мог подобрать слово, чтобы выразить, что именно он чувствовал. Вдруг сейчас это слово подобралось, но оно оказалось из современного, Борькиного, лексикона: эти строители из шестнадцатого века просто прикалывались. А мы пятый век подряд дивимся их приколу и ещё со всего света туристов привозим для аханий и оханий.

Испытав к зодчим родственное чувство, Игорь легко отправился дальше к Москворецкому мосту, но постепенно начал чувствовать, что тянет его домой к маминemu обеду. Да и время подступало, и Игорь решил вернуться.

Борис уже умотал по своим делам. Воскресный обед выдался на славу. До вечера Игорь сидел дома с родителями, разговаривали о всякой всячине. Мать показала Игорю купленный для него новый свитер и теплые носки. Вслух она не высказывалась, но по отдельным репликам Игорь понял, что она надеется, что он уедет из Калашина, и вернётся домой. Но пока в его планы это не входило. Отец на этот счёт помалкивал.

Решили пораньше ложиться спать. Так и закончилась эта очередная побывка Игоря в родных пенатах.

23

Пока он в понедельник с раннего утра мотался в Москве по экспертизам, в Калашинском следственном отделе Сорокин проводил планёрку.

Сначала обсудили материалы доследственных проверок, которых было по десятку на каждого в отделе, потом прошлись по списку уголовных дел. В общем, всё было под контролем, но работа по убийству Садакова всех отвлекала, и завершение проверочных материалов и дел затормозилось.

Сорокин нервничал. С недавних пор начальство заставляло на месяц вперед составлять перечень дел и материалов, которые планировалось закончить в этот период. Поначалу это казалось простой формальностью, желанием активизировать работу, но в результате обернулось рычагом давления на руководителей отделов. Логика применялась простая: сам напланировал, сам не справился – отвечай. Вызовов на оперативные совещания в управление теперь боялись, могло окончиться и оргвыводами.

Поэтому в конце месяца старались изо всех сил изобразить обещанное в плане. Были мобилизованы все изобретённые поколениями следователей ухищрения. Чтобы успеть с материалами проверок следователи выносили формальные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые в тот же день отменялись руководством отдела, и сроки проверки текли по новой. Производство по уголовным делам под разными предлогами перед подачей отчётности приостанавливались, и они искусственно оказывались в числе оконченных. Эти решения первого числа следующего месяца сразу отменялись, и следователь получал дополнительное сроки расследования.

Ясное дело, кто-то начинал увлекаться мухлежом, но такие проделки незамеченными долго оставаться не могли, и время от времени издавался грозный разоблачающий приказ и этот кто-то терял премию, а то и должность.

А ведь это составляло только часть управленческого «искусства».

Надзирающее ведомство тоже не дремало, и прокуроры спуска не давали, замечая иногда такие нарушения, которых и не было. Вот тут и крутись!

Иногда Сорокина посещало желание плюнуть на всё и написать рапорт об увольнении. Но по трезвому размышлению столь революционные мысли он старался подавлять, хорошо понимая, что другой работы такого уровня в районе он не сыщет, а жену и двух детей кормить надо.

Тяжело вздохнув, Сорокин распустил коллектив по рабочим местам.

Петрова попросила остаться на пару вопросов.

– Слушай, Валера, у Климова с делом о покушении на изнасилование полная засада. Он по молодости упрямствует, хотя ничего объективного в деле нет. Терпила – та ещё коза, да и маманя у неё скандальная, я их хорошо знаю, на соседней улице живут. Они желают дело прекратить, претензий не имеют. Прокурор наверняка на дополнительное расследование дело вернёт. А если до суда дотянем, там, того гляди, оправдают. Уже жалобы идут от обвиняемого на незаконный обыск в автомашине. Оно нам надо?

– Знаешь, Таня, Климов только начинает, старается. Если мы сейчас его за крыло и вниз, сломаться может. Не хочу его силой заставлять прекращать дело, не лежит у меня душа к такому повороту. Да и обвиняемый этот – гад конченный. Выйдет сухим из воды.

– Ты чего-то не понимаешь или не хочешь понять. Климов, зная, что объективных доказательств нет, начал дёргаться. Обыск в квартире провёл, а потом в машину обвиняемого влез, и всё в одном протоколе записал. Если он чего и нашёл, что сомнительно, всё равно и прокурор, и суд признают это недопустимым доказательством и отметут. Пойми, не тот это случай, когда надо костями ложиться. Подумай об отделе, вся статистика за первое полугодие рухнет,

и ради чего? Я думаю, что Климов и сам не рад тому, куда дело заходит. Давай с него грех снимем. Дело можно Величко передать, а я включусь, помогу. Ну что, я нарисую постановление об изъятии дела и передаче его другому следователю?

– Давай, рисуй, – махнув рукой, сдался Сорокин.

Игорь, не подозревая о таком развитии событий, сразу по возвращении в Калашин, не заходя к себе на работу, отправился в полицию к Куницыну. Тот был в кабинете и сразу предложил попить чаю. За чаем стали обмениваться мыслями, накопившимися за выходные.

Куницын разузнал у своих коллег из областного управления, что команда финансовых консультантов Садакова недавно завершила работу в корпорации «Финком», которую возглавляет некий Черкасов. Теперь устанавливают фамилии тех, кто конкретно там работал, чтобы выяснить подробности консультирования.

Игорь рассказал про визит в больницу к Иванову, и предложил поискать по видеозаписям с постов мотоцикл. Куницын согласился и включил свой компьютер, куда перегнали все имеющиеся записи с камер.

После нескольких часов просмотра они убедились, что ни один мотоцикл со времени убийства и до обеда следующего дня под камерами не засветился. В глазах стало рябить от некачественных дергающихся картинок. Пришлось сделать перерыв.

– Ты посмотри, – пожаловался Игорь, – столько часов записано и никаких зацепок. Что у киллеров шапка-невидимка припасена, или мотоцикл, летающий оказался?

– Да я уже все глаза проглядел, – поделился своим огорчением от неудачи Куницын, – а толку никакого. Может, не то ищем, а может, ничего и нет. Но вряд ли. От места нападения до городских постов автотрасса без примыкающих дорог. Хочешь, не хочешь, а к городу доедешь. Правда в двух местах есть съезды на поля, но легковая машина там не пройдёт. Мотоцикл, конечно, может. Если он свернул туда, на камерах его нам не увидеть. Но, значит, он местность хорошо знает. Надо нам в деревнях поискать или у дачников, там и мотоциклы, и квадроциклы, что хочешь есть. Но много времени займёт. А вот машина с киллером куда могла деться?

– Давай ещё раз прикинем, что именно мы ищем, – Игорь старался сосредоточиться, – предположение, что они были в полицейской форме, пока остаётся в силе. Но никаких полицейских машин мы на видео не нашли. А одной формы маловато, для правдоподобия и машина должна быть полицейской, иначе есть риск засветиться и вызвать подозрения...

– Или она должна быть похожа на полицейскую, – включился Куницын, – можно капот и бока синими лентами оклеить и мигалку на крышу приделать, но цвет машины должен быть белый. Ленты и мигалку сорвать – минутное дело. Но саму тачку быстро не перекрасишь, давай ещё раз посмотреть.

Не прошло и часа, как Куницын ткнул пальцем в экран:

– Смотри, белая «Лада». Спереди сидят двое, есть ли кто сзади не видно, но у переднего пассажира на груди наискось белая полоска. Я было её за ремень безопасности принял, а теперь повнимательнее смотрю, узковата она. Скорей похожа на белую портупею, как у дорожной полиции. Лиц тут не разглядеть, если будем увеличивать размер экрана, то сплошные пиксели пойдут, а номер можно вытащить. Сейчас я наших криминалистов напругу.

Куницын сделал несколько звонков и, дожидаясь прихода специалиста, сладко закурил. Игорю это не мешало, он даже любил запах табачного дыма, особенно трубочного, но сам к пагубной привычке не пристрастился, даже на действительной военной службе. Хотя там, пока курильщики наслаждались затяжками, некурящая братия, по воле мудрых курящих сержантов, продолжала вкалывать.

Государственный регистрационный номер машины удалось рассмотреть почти полностью: «44» затем «3» или «8», буквы ТАУ, серия подмосковная. Куницын сразу велел своим ребятам оформить несколько запросов и проверить сводки по области, не было ли происшествий с этим автомобилем.

Буквально через час уточнили, что цифры «448» и такая «Лада» есть на учёте. Владелец живёт в соседнем райцентре. Куницын отправил к нему машину с двумя операми.

Игорь листал пухлую подшивку оперативных сводок. Чего только в них не было. Кражи, драки, поножовщина, бытовые ссоры, дорожно-транспортные происшествия, пожары. Создавалось впечатление, что население участвует в войне по принципу «все против всех». Игорь понимал, что в области живут и трудятся миллионы людей, сотни тысяч работающих в Москве по вечерам возвращаются в подмосковные квартиры и дачи, и процент попадающих в полицейские сводки в этой громаде ничтожен. Но когда сводки о происшествиях читаешь залпом, это впечатляет.

Среди массы записей за прошедшую субботу он вычитал, что на границе двух районов, в перелеске, неподалёку от железнодорожной платформы «Лесной посёлок», прохожими обнаружен сгоревший автомобиль «Лада» белого цвета, без государственных регистрационных знаков. На место происшествия выезжала оперативная группа.

Игорь молча сунул Куницыну под нос папку.

– Да, это, похоже, наш случай, – протянул тот.

Время было позднее, попытки дозвониться в отдел полиции, давший информацию в сводку, ни к чему не привели. Тамошний дежурный сам факт подтвердил, но подробностей не знал, предложил звонить с утра. Решили организовать на завтра выезд.

Игорь отправился к себе, чтобы оповестить Сорокина о своих планах, и наткнулся на Величко, который огорошил его, сказав, что по решению руководителя забирает в своё производство дело о покушении на изнасилование.

Сорокин был на месте, завтрашний выезд разрешил, но со всеми вопросами о передаче дела адресовал Игоря к Петровой. Той на месте уже не оказалось.

Пришлось спуститься к себе и отдать Величко по описи дело. Игорь действовал механически. На душе было неприятно от сознания того, что ему не доверяют. Пытаясь понять, в чём ошибся, он перебирал в уме возможные варианты и никаких ответов не находил. Решил все выяснения отложить на завтра.

Расстроенный он отправился отсыпаться.

24

Утро оказалось не мудренее вечера. Никаких причин отобрать у него дело об изнасиловании Игорь не нашёл.

Но надо было торопиться к Куницыну, чтобы разобраться со второй уже в деле об убийстве сгоревшей машиной. Тот был на месте и поджидал Игоря.

Оперативники нашли хозяина «Лады», но это мало что дало. Мужичок увлекался горячительными напитками, прав его лишили два года назад, машина только занимала место во дворе. Продавал по генеральной доверенности, его экземпляры документов куда-то запропастились, да и то сказать, обмыли покупку лихо, неделю остановиться не мог. Покупателей не запомнил, на вид русские парни лет по тридцать – тридцать пять. Оба невысокие, волосы тёмные, короткие. Чёрные куртки, джинсы. Если ему покажут, то опознает, но описать черты лица затрудняется, не запомнил. Почему-то ему показалось, что эти парни между собой братья.

От пятидесяти тысяч вырученных от продажи, у него уже ничего не осталось.

Решили ехать к сгоревшей машине и по дороге прихватить с собой этого горе-владельца, который, может быть, опознает остатки. Дорога заняла более двух часов.

Заехали в соседний райцентр и остановились на какой-то окраинной улице, заросшей берёзами. Один из оперативников быстро привёл бывшего хозяина машины и усадил сзади между собой и Игорем. Пришлось сразу открыть окошко. Мало того, что абориген накануне пил незнамо что, он ещё, наверное, годик не мылся. Игоря замутило. Куницын, сидевший за рулём, только крутил головой, и всё время курил. Сидевший спереди второй оперативник, что помоложе, просто высунул голову в окно и ехал так. Возле придорожного ларька пришлось тормозить и покупать пластиковую литрушку пива, без которого ароматный пассажир не мог прийти в сколько-нибудь адекватное состояние.

За городком на обочине их поджидал полицейский «уазик». Куницын успел договориться с местным райотделом, и их проводили прямо до места. Своих двух оперативников он сразу отрядил на железнодорожную платформу, на разведку. Все остальные пошли на осмотр.

В редких кустах продолжала стоять сгоревшая «Лада». Выгорел, в основном, только салон. Но чьи-то заботливые руки уже успели снять крышки капота и багажника, и колёсные диски. Бывший хозяин чувств к убитой и разграбленной собственности не проявлял, прикладывался к пиву и тихонько икал.

По невыгоревшей местами краске было понятно, что раньше машина была белого цвета. Игорь разыскал и записал её серийный номер, и, выломав палку покрепче, начал разрывать содержимое сгоревшего багажника.

Куницын стал допытываться у алконавта, узнаёт ли он свою бывшую машину. На удивление связно тот перечислил несколько характерных повреждений на бамперах и облицовке радиатора, а потом, обходя по кругу, в подтверждение тыкал в них пальцем.

– Жень, посмотри-ка, – Игорь поддел своим первобытным орудием рыхлый ком синей плёнки, которая поверху оплавилась, но целиком не сгорела, – похоже на ту маскировку, о которой мы вчера говорили.

Куницын, по примеру Игоря, тоже выломал себе инструмент и занялся салоном. Ему удалось на полу за передними сидениями отыскать металлическую рамку, на которой сохранились хвостики электропроводов и потёки расплавленного высокой температурой красного и синего пластика. Там же валялись две закопчённые металлические чашки светоотражателей.

– Гляди, кажется, и мигалка нашлась, – обрадовался Куницын.

Игорь заснял на камеру телефона все их находки и общий вид пожарища. Они с Куницыным отошли в сторонку и, пока было время, стали обсуждать, как отсюда выбрались киллеры, и сошлись на том, что оставлять здесь подменный транспорт было для них опасно, его легко

могли раскулачить здешние товарищи. Скорее всего, просто уехали на электричке до Москвы или до станции, где находилась их машина.

В этот момент подошли приехавшие с ними оперативники и доложили, что на железнодорожной платформе билетной кассы нет. Это подтвердил и местный полицейский, сказав, что билеты нужно покупать или заранее на узловой станции, или у кассира, который едет в первом вагоне электропоезда.

Куницын озадачил одного из оперов, приказав установить кассиров с последних по расписанию поездов в день убийства и попытаться узнать, кто брал билеты от этой платформы и куда ехал. Молодой красивый парень, наверное, недавний выпускник полицейской школы, уныло кивнул, видимо, не так представлялась ему будущая служба.

Пора было возвращаться. Местный полицейский проявил любезность и взялся подвезти домой запянявшего от пива опознавателя, о чём, вероятно, вскоре пожалел.

В машине Куницына окна держали открытыми ещё километров тридцать, пытаясь расстаться с оставленным на память запашком.

Оперативники задремали. Стараясь их не беспокоить, Куницын и Игорь не разговаривали. Игорь задумался о проделанной работе, пытаясь выбрать наиболее эффективный путь дальнейших действий.

Сейчас крайне необходимы данные экспертиз. Но надежды на то, что пистолет, из которого стреляли, будет находиться в розыске, были призрачные. Киллеры, а теперь, после обнаружения видеок кадров, можно точно сказать, что их было минимум двое, явно не новички. Оружие, скорее всего, использовалось ими в первый и последний раз. Остальное они тоже продумали. С места преступления смогли скрыться незамеченными, машину уничтожили. Единственный их сбой в том, что не убили жертву на месте и не забрали флешку, или что-то ещё, нам пока неизвестное. С другой стороны, допустили ряд оплошностей: разбросали окурки, не собрали гильзы, не смогли догнать машину со смертельно раненым водителем. Если, конечно, эти окурки и гильзы имеют отношение к делу.

Оставался ещё один, может быть, более важный путь. Надо найти заказчиков, то есть тех, кому выгодна смерть Садакова, тех, кто ищет флешку, кто дал команду избить свидетеля Иванова и сжечь в отделе полиции «Гелендваген». Они успели провернуть всё это всего за одни сутки, орудовали дерзко, не оставляя следов. Значит, у них есть подготовленные люди, готовые на риск. Есть и материальные возможности, чтобы разъезжать на транспорте с фальшивыми номерами, и деньги, чтобы добыть свежую информацию. Всё возвращало к мысли, что действует слаженная группа или даже несколько групп. И имеют они какую-то связь, скрытую опору, в самом Калашине, иначе не смогли бы так чётко сработать.

Всё это Игорь вывалил Куницыну по приезду, как только они остались наедине. Покивав головой, Евгений задумался.

– Знаешь, Игорь, попробую убедить ребят из областного управления, чтобы поставили на прослушку телефоны этих деятелей из «Финкома». Ты об этом пока на своих совещаниях не докладывай, а мы подумаем, кого из этих буржуев подёргать, чтобы начали психовать. Ну, удачи тебе!

25

Игорь успел в родной следственный отдел к самому совещанию. С Зинченковым общались как всегда, по телефону. Дементьева и Белов доложили о своей поездке на обыск дачи Садакова. Ничего там они не нашли, но жившая на даче в роли управляющих семейная пара поведала, что Садаков собирался дачу продавать и уже нашёл покупателей. Это их сильно тревожило: они боялись не найти общего языка с новыми хозяевами. Садаков жил очень уединённо, гостей не приглашал, его жена и дочь на даче не бывали, но сам Садаков часто летал к ним в Испанию.

Величко вновь отчитался о нулевых результатах поисков в лесу, а Игорь рассказал о найденной видеозаписи, о сожжённой белой «Ладе» и возможных следах маскировки под полицейский автомобиль.

Зинченков, почуяв некоторый положительный сдвиг, оживился и дал команду Сорокину организовать завтра доставку «Лады» на стоянку отдела полиции и повторный осмотр самой машины и места её обнаружения. Игорю поручалось срочно назначить экспертизы по комку ленты и остаткам проблескового маяка.

Сам Зинченков взялся подготовить поручение о розыске предполагаемых преступников областному ГУВД.

После совещания Игорь подошёл к Петровой, чтобы узнать о причинах передачи дела от него к Величко, но услышал только, что не надо бы начинающим следователям проявлять пустые амбиции и подставлять целый отдел ради попыток самоутверждения. Огорчённый Игорь так ничего толком и не понял, но Петрова, поджав губы, удалилась.

Белов, слышавший часть их разговора и догадавшийся о причинах его переживаний, успокаивающе потрепал Игоря по плечу и, улыбнувшись, сказал:

– Перемелется – мука будет, не забивай себе голову. Не ты первый, не ты последний, у кого забрали дело. Думай о предстоящей работе. А ещё лучше, пойдем ко мне в гости. Жена будет рада. Поужинаем вместе, у нас теперь окрошка и картошка молодая с укропчиком. Давай, а?

Игорь засмутился, ему не хотелось со своими переживаниями идти в чужой дом, он стал неловко отнекиваться. Белов понял и не обиделся. Расстались по-доброму.

Игорь засел у себя в кабинете и позвонил Ирине. На этот раз на удивление хороший вышел разговор. Она вдруг сказала, что хочет к нему приехать на выходные, если это ему не помешает в работе. Игорь обрадовался, сказал, что будет ждать. Уже отключив мобильный, он ещё несколько минут сидел, соображая, как лучше встретить и принять Ирину. Потом стал составлять список необходимых покупок, поймав себя на мысли, что служебные перипетии сразу отошли на второй план.

26

Решив начать новую жизнь, не дожидаясь понедельника, Игорь встал сегодня пораньше, сделал зарядку и даже отжался от пола двадцать пять раз. Растираясь после душа полотенцем, подаренном на двадцать третье февраля женским коллективом отдела, Игорь вдруг вспомнил, как в армии трудно поначалу преодолевалась утренняя пробежка, и зарядка казалась бесконечной на предрассветном морозце. Уже потом, когда ему самому приходилось выгонять с подъёма молодняк, все эти упражнения оказались лёгкими и привычными, и вовсе не бесконечными, просто теперь он сам знал, когда скомандует: «Взвод, в казарму бегом, марш!». Руководить процессом и заранее знать его пределы гораздо комфортнее, чем участвовать в нём, не представляя скоро ли конец испытанию.

В отдел он добирался быстрым шагом и прибыл за час до начала работы. Благодаря хорошему настроению, рутинная бумажная работа сегодня спорилась, и уголовные дела постепенно приходили в божеский вид.

Ровно в девять послышался стук в дверь, и на разрешающий возглас Игоря в кабинет вошел мужчина. В нём Игорь не сразу узнал истопника городской бани, того самого основного свидетеля по делу о покушении на изнасилование, и фамилию его вспомнил – Сергеев.

– Вызывали? – спросил тот.

– Нет, но сейчас дело в производстве у другого следователя, вам, наверное, к нему?

– Позвонили директору бани, сказали мне быть в девять в следственном отделе, кабинет номер двадцать два, я подумал к вам.

– Нет, двадцать второй – это на втором этаже, кабинет заместителя руководителя отдела, давайте я покажу, – Игорь поднялся, показывая рукой на выход из кабинета.

Поднявшись к кабинету Петровой, Игорь постучал и открыл дверь. Петрова недовольно взглянула на Игоря, за приставным столом, разложив документы, сидел Величко.

– К вам свидетель Сергеев, – Игорь, пропустив мужчину внутрь кабинета, повернулся и ушёл к себе. Шагая вниз по лестнице, он пригорюнился, явно готовилась какая-то очередная шкода, и это было крайне неприятно.

В кабинете Петровой, напротив, царил самая милая атмосфера. Лучезарно улыбаясь, она называла свидетеля по имени и отчеству, предлагала присесть, где ему удобней, и всем своим видом показывала своё расположение. Величко, сухо ответив на приветствие вошедшего, строчил что-то в протоколе допроса.

– Ну, расскажите, что произошло тогда вечером? – попросила Петрова.

– Да я всё уже рассказал вашему следователю, он записывал.

– Ну, может быть вы что-то вспомнили?

– Нет, я всё как было рассказал. Девчонка забежала полуголая, вся в слезах, говорила, что её хотел изнасиловать главный инженер...

– Да, ладно! – прервала Петрова, – Вспомните! Ведь девица была в дым пьяная, еле стояла на ногах, двух слов связать не могла, никого не называла, а про главного инженера это потом сам следователь, небось, дописал. Разве не так?

– Нет, не так. Всё было, как я рассказал. Выпивши она, правда, была, зачем врать, пахло водкой от неё, но не сильно. И на ногах она крепко стояла, иначе бы ей от него не убежать. Только дрожала вся от испуга и без одежды. Просила полицию вызвать. Этот в дверь колотил. Ну, я и вызвал, они приехали и её увезли. Вот и всё.

– Может вы сами к ней приставали, одежду сорвали, а потом решили свалить на кого-нибудь?

– Да что вы такое говорите? Я не понимаю, – растерялся свидетель.

–Вижу, что не понимаете, другой бы на вашем месте понял. Ну, пришла ночью, ну, пьяная, бормотала, что-то спьяну, вы и вызвали полицию, чтобы её увезли с опасного производственного объекта, что непонятного? – наседала Петрова, и вдруг сорвалась на крик, – Ну, понял!?

–Вот теперь понял, – кивнул Сергеев, – Ко мне ведь, уже два раза подкатывали с такими разговорами эти ребята кавказские, что у нас теплотрассу ремонтируют, даже грозились. Только послал я их подальше. Вам я так, господа, скажу. Не знаю, что у вас на уме только это – не по правде. Что было, то видел, и всё честно рассказал.

– Смотри потом не пожалей, правдолюб, – с угрозой прошипела Петрова.

–Нет, не пожалею. Я человек верующий, против истины не пойду, а пожалею или нет, то всё в руках Божьих, – прямо глядя ей в глаза, ответил Сергеев.

–Всё, вы свободны, – впервые подал голос Величко.

Когда за Сергеевым закрылась дверь, в кабинете повисла долгая пауза.

27

Весь отдел продолжал ударно трудиться. Сорокин спуска никому не давал. Правда, немного поутих Зинченков. Это было понятно, ожидали результатов назначенных экспертиз.

За заботами не заметили, как наступил вечер пятницы. Игорь от нетерпения считал часы. Ирина обещала приехать в субботу утром. Чтобы обезопасить себя от обязательных трудов в субботу, он заранее договорился с Куницыным, что тот его прикроет, и, если будут искать, соврёт, что они вдвоём на выезде по делу об убийстве. Якобы, нужно проверить важную оперативную информацию.

Конец дня Игорь посвятил магазинам. Это был настоящий покупательский рейд. Следуя списку, Игорь закупал еду, питьё, средства для мытья посуды, шампуни и, по совету смекалистой продавщицы, даже какую-то новомодную моющуюся пластиковую скатерть. В четырех раздутых до неприличия пакетах всё было доставлено домой.

Никогда старый холодильник не вмещал в себя такого изобилия съестных припасов. В стенном шкафчике спрятались бутылки красного и белого сухого вина и дагестанский коньяк в плоском флаконе.

До позднего вечера пришлось заниматься уборкой. Выметалась пыль из углов и паутина за трубами в санузеле, щёткой с моющим средством оттирался кафель над ванной и над раковиной в кухне. Дважды пришлось вытаскивать к мусорным бакам мешки с разным хламом, который накопился между делом, и в обычных обстоятельствах замечен не был.

Непривычные занятия укатали Игоря не хуже тренажёрного зала, и спал он просто, что называется, мёртвым сном.

Проснувшись, он первым делом открыл окно, выходящее прямо в кусты сирени. На плотных темно-зелёных листьях сверкали капли, значит ночью прошёл дождик, а он и не услышал. Дышалось легко, но безоблачное небо обещало очередной жаркий день.

Всё складывалось прекрасно. Он торопливо позавтракал и поспешил в сторону вокзала. До приезда Ирины оставалось всего полчаса, а нужно успеть купить цветы.

На пяточке перед вокзалом шла бойкая торговля. Принарядившиеся ради выходного дня бабули выложили весь свой товарец: от вязаных носков до яблок и зелени. Яблоки по их уверениям, разумеется, были только что с ветки, а зелень с грядки.

Сейчас Игоря интересовали цветы, поэтому он поспешил на тот фланг самодеятельного торжка, где предлагалось всё многоцветие средней полосы, даруемое нашей немилостивой природой на исходе лета. Выбрал самый большой букет гладиолусов. Помнилось с детства, что именно из них состояло школьное жертвоприношение на каждое первое сентября. Бедных перwokлашек из-за этих переносных клумб бывало и не видно, одни уши торчали.

Резные чашки цветков были большие и сильные, хоть в салат нарежай. Игорь, не удержавшись, понюхал, но особого аромата не ощутил.

Почти бесшумно подкатила электричка. Выпорхнувшая из вагона Ирина долго смеялась и оттирала платочком с его носа желтую пыльцу, оставленную торчащими по все стороны пестиками или тычинками. В таких ботанических подробностях Игорь слабо разбирался.

Игорь подхватил её рюкзачок, она взяла его под руку. Молодые стройные, да ещё с букетом, они привлекали внимание редких прохожих, которые им в след тихо улыбались, может быть, припоминая свои счастливые дни.

Подходя к дому Игорь, пародируя экскурсоводов, просил посмотреть, то налево, то направо, хотя кроме пышно разросшихся кустов и сплошных деревянных заборов разглядывать было нечего.

Квартирка Ирине понравилась, она прошла в комнату, заглянула на кухню и оценила усилия, затраченные Игорем на уборку.

—А горячую воду не отключили? Хочу душ принять с дороги, — Ирина стояла в дверях ванной.

—В этой гостинице я директор, — цитируя известный фильм, изрёк Игорь, — поэтому горячая вода есть круглый год, спасибо газовой колонке. Сейчас включаю.

Пока Ирина плескалась в душе, Игорь на скорую руку собирал на стол. Потом Ирина приоткрыла дверь и, сославшись на рассеянность, попросила у Игоря какую-нибудь рубашку, чтобы накинуть вместо забытого халатика. Он принёс свою голубую льняную рубашку с короткими рукавами, но, когда увидел со спины обнажённую и вдобавок отразившуюся в затуманенном зеркале Ирину, не сдержавшись начал целовать её шею и плечи. Ирина, легко повернувшись и припала к его рту жаркими губами. Игорь, сжав её в объятьях, ответил долгим поцелуем. Не прерываясь и не разнимая рук, он шагнул назад из ванной, увлекая за собой Ирину, она послушно шагнула следом, и он почувствовал, как её пальцы расстёгивают ремень на его джинсах. Когда они приблизились к дивану, ничто из одежды им уже не мешало и, дав волю чувствам, они предались друг другу. Сколько длился этот любовный взрыв, Игорь не ощутил. Всё было как во сне. Они долго лежали, заменяя разговор поцелуями и ласками. Потом Ирина невесомо перебралась через Игоря и закрылась в ванной. Он так и лежал счастливый и как-то светло опустошённый, закинув руки за голову. Ирина вышла уже в рубашке, которая доходила ей до бёдер, и пожаловалась на голод. Игорь подскочил и, натянув трусы и майку, начал хлопотать у стола. Ирина села на угловой диванчик, поджав под себя ноги, и лукаво улыбнулась, Игорь улыбнулся в ответ, только теперь соображая, что халатик был, конечно, забыт не по рассеянности, а скорее по расчётливости.

Запив гору бутербродов с сыром и колбасой и овощной салат бутылкой красного вина, они почувствовали, что если не пойдут сейчас же на прогулку, то просто возьмут на тот же диван и уснут. Быстро собравшись, они убежали на улицу.

Старинный городок весь состоял из холмов и спусков. Пошли в сторону центра, который размещался в низине. Часть улиц была заасфальтирована, и Игорь хорошо знал, как несутся по этим гладким водостокам дождевые струи в ливень. Но сейчас солнце высушило и раскалило серую корку асфальта, и даже пробивающие сквозь трещины в нём одуванчики пожухли в ожидании очередных осадков. Солнце пропекло и протоптанные по косогорам козы тропинки, которыми, не сговариваясь, испокон веку в этом городе пользовались и стар, и млад. Игорь уже изучил все их хитросплетения и провёл Ирину стороной к мосткам через речку. Мостки эти по-местному звались «лавы», именно так, во множественном числе. Лавы сносились по весне половодьем, но каждый раз заботливо восстанавливались к лету. Зимой все без забот просто ходили по льду. Старожилы уверяли, что ледовые маршруты повторяются веками. Ирина не очень доверяла шатким мосткам, но Игорь, взял её за руку, и они прошли, отражаясь в спокойной и теплой даже на вид речке, все сорок метров до другого берега.

Теперь предстояло взобраться на крутой холм, сохранившийся на месте земляного вала старого городища. Ирина, было, возроптала, но Игорь, знавший, за что приходится страдать, всё-таки увлек её, потащив наверх.

На макушке холма, где ощущался свежий ветерок, им пришлось поотдывать, но, когда дыхание восстановилось Ирина, осмотревшись, даже охнула.

Далеко внизу, перед ними расстилалась сказочная картина. С окрестных далёких холмов вниз, к центру города, сбегали извилистые улицы, часто скрытые от глаз сросшимися кучами деревьев. Крыши домиков едва выныривали из сплошного зелёного ковра, укрывшего кварталы. Только в одном месте, как силикатные кирпичи, брошенные в траву, выпирали пятиэтажки нового микрорайона. Но общего впечатления от величественности места это вторжение современности испортить не могло. Её особо подчеркивали, как насчитала Ирина, шесть церквей. Своими белыми колокольнями, касаясь синевы неба, они, поставленные древними мастерами на разной высоте холмов и в разное время, словно доброй силой окружали городок,

как бы охраняя его. Добавляла прелести река, изгибавшаяся под холмами и внезапно выныривающая из-под деревьев в самых неожиданных местах. Солнце отражалось в ней золотом. Игорь подсказал: краеведы утверждали, что сам город имеет в поперечнике всего три километра, а русло реки петляет по нему целых тринадцать.

Все улицы направлялись к центру, и там, где они натыкались на реку, пролегли деревянные лавы. Только в двух местах над рекой встали современные мосты на железобетонных опорах.

Городская площадь широким клином раскинулась между берегами реки, имея на узкой оконечности сквер с памятником Ленину, а на широкой – огромный пятиглавый собор, который сейчас реставрировался и оцетинился строительными лесами. Два объекта людского поклонения сосуществуют на этом месте почти сто лет и в этом противостоянии неумолимо дополняют друг друга.

По сторонам площадь окаймляют старинные краснокирпичные торговые ряды. Цепочки их лабазов тянутся от храма к обелиску, или, может, наоборот, и своей вековой житейской мудростью учат калашинцев существовать между земной и духовной властью.

Давно открывший для себя это удивительное место Игорь, жалевший, что не прихватил с работы бинокль, скромно помалкивал, давая Ирине полнее почувствовать всю особость этого чудом сохранившегося пейзажа. Не сговариваясь, они присели на выгоревшую на солнцепёке траву и, обнявшись, просто любовались, находя всё новые и новые удивительные точки на панораме города.

Спустившись с холма, они долго гуляли по тихим улочкам, тротуары которых напоминали туннели в смыкающейся поверху буйной растительности придорожных деревьев и яблоневых веток, тянущихся из-за заборов.

На некоторых деревянных домах под карнизами сохранились поржавевшие, но ещё читаемые жетоны страховых обществ. Ирина с трудом разобрала на одном идущие по окружности буквы: «Россiя». Скольким же поколениям эти стены и крыша дали домашнее тепло и защиту от непогоды? Сколько войн и революций они пережили? Возникла мысль о коренных устоях, на которых всё и держится, хотя за повседневной суетой мы это забываем.

Игорь чувствовал, что Ирине городок нравится, ему это было приятно. Он надеялся, что она смягчится и не будет требовать, чтобы он непременно уехал в Москву.

Для него не составляло секрета, что за внешней исторической красотой города живут современные люди со своими проблемами и страстями, люди, которым свойственно, как и во все века, злословить, напиваться, драться и красть. Хотя он ни с кем такую двойственность города не обсуждал, но для себя давно решил на своей должности пытаться защищать то доброе, что даёт существовать абсолютному большинству и, по мере возможности, противостоять злой воле. Ощукая, что выскажи он такое вслух, это прозвучит выпендренно, Игорь держал свои мысли при себе, и только иногда, встречая подобные рассуждения в книгах, радовался, что он не одинок.

День заканчивался, опускались сумерки. Напоследок он провёл её по своей дороге среди лип, но шёл, молча, ничего не стараясь объяснить.

Ирина это почувствовала и поняла, что Игоря в этом городе держит не просто упрямство или стремление к карьере, а свой собственный подход к жизни, от которого он не откажется даже ради неё.

Ужинали дружно и опять всухомятку. Игорь по особому рецепту приготовил кофе, и они выпили несколько рюмок коньяка из плоской бутылки.

Для сна Игорь разложил диван-кровать, застелив белое свежее бельё. По летней жаре можно было спать без одеяла, просто под простынёй. Не сговариваясь, они, сняв одежду, улеглись в обнимку, ощущая горячими телами слабую прохладу от приоткрытого окна.

Когда утром Игорь открыл глаза, Ирины рядом уже не было. Он поднялся и вышел на кухню. Ирина, в лёгкой кофточке и летних брюках, сидела за чашкой чая и набирала текст в мобильном телефоне. Подойдя, он поцеловал её в макушку. Она подняла голову и улыбнулась.

Пора было завтракать. Игорь начал готовить омлет, Ирина нарезала в салат овощи. Сели за стол, обмениваясь незначительными фразами. Казалось, что они вместе много-много лет, всю жизнь.

Программа дня у Игоря выработалась незамысловатая. Сначала сходить на речку и искупаться, а потом пообедать в кафе с кавказской кухней.

Но оказалось, что у Ирины другие планы и, с учётом дальней дороги, ей пора отправляться на вокзал. Игорь только развёл руками, и возражать не стал.

До очередного поезда оставалось сорок минут, поэтому к вокзалу шли не спеша, Игорь помахивал рюкзачком, Ирина рассказывала про учёбу, но всякие медицинские премудрости Игорь пропускал мимо ушей.

На счастье, для этого состава калашинский вокзал был конечным, поэтому было много свободных мест. На подъезде к Москве возвращающиеся с грузом урожая дачники займут все проходы и тамбуры. На платформе они обнялись и поцеловались. Ирина разместилась в середине вагона у окна. Игорь стоял снаружи, глядя на неё, и думал, что возвращаться в опустевшую квартиру ему неохота.

–Ты пришли смс, когда доберёшься, – попросил он в открытую фрамугу вагонного окна.

–Конечно, – откликнулась Ирина и помахала рукой.

Стукнули закрывающиеся двери, и поезд тронулся, увозя хорошее настроение.

Игорь развернулся и, наступая на собственную короткую тень, пошёл обратно.

Понедельник с утра тащился по наезженной колее. Ничто не предвещало неожиданных событий, но они произошли. К обеду в отдел прибыл лично Зинченков. И не просто так, с оказией он доставил несколько пакетов с заключениями экспертиз. Всех собрали в кабинете у Сорокина.

Зинченков являл собой победителя и излучал боевой дух. Для начала он сделал замечание следователям, явившимся на совещание без форменной одежды, а таких оказалось двое: Дементьева и Климов. Зиночка нарядилась в цветастое летнее платье, что было очень по погоде, и ей к лицу, но противоречило приказам. Было строго велено сменить наряд. Покраснев, она вышла к себе в кабинет. Второй нарушитель оправдывался отсутствием формы на складе, но это его не спасло. Зинченков заявил, что джинсы и кроссовки уместны на пикнике, а следователь должен находиться на службе в строгом костюме, что, по правде говоря, тоже было написано в руководящих документах. Игоря также отправили переодеваться. Наученные предыдущим горьким опытом все хранили форменную одежду или костюм, как в случае у Игоря, в рабочих кабинетах.

Подождав, пока они преображённые явятся вновь, Зинченков, удовлетворённый восстановленным порядком, приступил к обсуждению нового этапа расследования.

Заключения экспертов прорыва не принесли. Изъятая из трупа Садакова пуля выпущена из девятимиллиметрового ствола, но он на учёте в пулегильзотеке не значится. Отпечатки пальцев, которые успели зафиксировать на поверхностях «мерседеса» ещё в первый день при осмотре в лесу, принадлежат самому убитому.

Выводы специалистов по трем окуркам и двум гильзам, обнаруженным на обочине Климовым и Куницыным, оказались неожиданными. Генетические следы удалось выявить на двух окурках и неповреждённой гильзе. Причём они практически идентичны, но всё-таки происходят от двух разных людей. Не исключается родство между ними. А вот гильзы отстреляны в двух разных экземплярах пистолетов. На это указывают характерные различия на следах от удара бойка. Но никаких совпадений по имеющимся системам учёта огнестрельного оружия не имеется. Поэтому привязки к конкретным лицам или пистолетам нет. При обнаружении фигурантов или их оружия возможна идентификация.

На комке оплавленной синей ленты, изъятая Климовым в багажнике сгоревшей «Лады», удалось выявить след пальца, сохранившийся на внутренней липкой поверхности. Но при проверке этого отпечатка, по федеральной базе «Папилон», совпадений не установлено.

Все загрустили. Большая удача экспертов, зафиксировавших следы преступников и оружия убийства, сама по себе раскрытия преступления не принесла. Нужно было выработать новые подходы, а для этого уточнить основную версию. После совместного обсуждения она стала выглядеть так: два киллера под видом полицейского патруля остановили машину Садакова на автотрассе, дважды выстрелили в него, затем проехали мимо поста видеонаблюдения, на границе районов у железнодорожной платформы сожгли свою машину и скрылись. Умиравший Садаков, проехав по трассе, свернул в лес, где его потом и обнаружили.

Зинченков задумчиво продолжил:

– Свидетели показали, что Садаков постоянно пользовался мобильным телефоном «Верту». При нём он не найден. Необходимо установить идентификационный номер самого аппарата и по так называемому биллингу попробовать определить маршрут перемещения между станциями сотовой связи, и так найти привязку к местности.

Этим он займётся сам и получит судебное решение для получения данных от сотовых операторов, а местному отделу нужно сосредоточиться на поиске пока гипотетического мотоцикла, якобы услышанного свидетелем Ивановым.

Получив разрешение разойтись, все направились по кабинетам. Игоря остановила заведующая канцелярией:

– Пришёл пакет на ваше имя, распишитесь и заберите.

Игорь вытащил из вскрытого пакета акт генетической экспертизы по делу об изнасиловании. С любопытством глянул на выводы эксперта. Тот сообщал, что на рубашке главного инженера обнаружены биологические следы, принадлежащие потерпевшей. Это подтверждало её первоначальные показания. Удовлетворённый Игорь вложил акт в конверт и, протянув Лиде, сказал:

– Лида, вы ведь знаете, дело теперь в производстве у Величко, перерегистрируйте документы на него.

Лида равнодушно пожала плечами и забрала конверт, но Игорю показалось, что она при этом легонько улыбнулась. Значит, не по ошибке она вручала конверт ему. Просто ей для чего-то хотелось, чтобы он узнал результаты экспертизы. Зачем ей это понадобилось, он не понял.

Сейчас Игорю было не до гаданий, он поспешил в райотдел полиции к Куницыну. Нужно было по распоряжению Сорокина через участковых уполномоченных полиции организовать розыск владельцев мотоциклов в ближайших сельских округах.

Утром следующего дня в своём кабинете Игорь, заварив крепкий чай, готовился подшивать дела. Подшивальный станок, суровые нитки и электродрель были заблаговременно собраны по кабинетам коллег и теперь лежали на столе Игоря. Эту чисто механическую работу он любил. Выравнивая в станке края листов дела, он как бы заново проживал дни и этапы проведённого расследования.

Подобранные в том документы он накрыл металлическим листом с длинной прорезью по краю и намертво притянул его барашковыми гайками, легко ходившими по резьбе штифтов. Можно начинать сверлить пять отверстий для ниток. Тут тоже была небольшая хитрость. Стандартные сверла для этого не годились, рвали бумагу, и сами часто раскалялись и ломались в её толще. Когда-то какой-то изобретательный следователь придумал сверлить тома дела обыкновенным длинным гвоздём с отрезанной шляпкой. Дело пошло как по маслу. Имя этого Кулибина история не сохранила, но благодарные поколения следователей по всей России это отечественное ноу-хау десятилетиями применяют.

Нитки для сшивания старались брать потолще и желательного белого цвета. Черный на белом поле бумаги выглядел траурно, а потом, надо было съехидничать, в ответ на поговорку, что дела «шиты белыми нитками». Игорь от аккуратного сшитого тома испытывал особое удовлетворение, видя в этом элемент собственного творчества. Он некоторых ребят спрашивал, и они соглашались, что похожие мысли были и у них.

Идиллию нарушили неожиданные визитёры. В кабинет без стука вошли потерпевшая от изнасилования и её мать. Предложения Игоря присесть они проигнорировали и сразу вывалили свои претензии. Слов было много, и не все литературные. Игорь пытался слабо возражать, но его быстро заткнули.

– Это что же, получается, – негодовала мать, – ославили на весь город! Сколько мучили, на допросы таскали. А теперь выходит, девушку и защитить некому? Погодите, мы найдём на вас управу, жаловаться будем! К президенту на приём поеду, а своего добьюсь. Помните вы меня. Ишь, что придумали – дело прекращать...

– Пойдите, пойдите, – с трудом вклинился в её монолог Игорь, – ведь ваша дочь, я помню, сама просила дело прекратить...

– Да вы её запутали, обнадеживали, а сами, небось, деньги взяли с этого мерзавца! Конечно, ему откупиться – раз плюнуть.

– Вы успокойтесь, давайте поговорим, присядьте, – пытался успокоить Игорь, – дело сейчас не у меня в производстве, вам лучше поговорить со следователем Величко. Послушайте, потерпевшая, вы же сами говорили, что предстоит женитьба, и никакого суда вы не хотите.

Мать продолжала распаляться, не давая слова сказать дочери:

–Какая там женитьба. Обманул этот Руслан. Уехал к себе на Кавказ и позвонил всего один раз, мол, родители ему не разрешили. А нам что сейчас делать? Ни копейки денег никто не заплатил, кругом один позор. Ну, погодите, я вам устрою, пойдем дочка, никакой правды простому человеку от этих оборотней не добиться...

С этими словами дамы покинули кабинет, но в коридоре ещё слышались проклятья.

Игорь ошалело покрутил головой. Никак он не ожидал, что его отчихвостят в собственном кабинете и, в общем-то, не за его вину. Он набрал телефонный номер Величко:

– Петя, привет, к тебе сейчас потерпевшая по изнасилованию со своей мамашей не заходила? Если нет, ты много потерял. Скажи, а ты действительно дело прекратил?

–Никто у меня не был. А насчёт дела твой интерес мне непонятен, ну прекратил и прекратил.

–Петя, как же так, а выводы экспертизы? Они же подтверждают показания потерпевшей?

– Обыск в машине обвиняемого проведён тобой незаконно. Петрова по жалобе адвоката своим постановлением признала изъятую тобой с нарушением УПК рубашку недопустимым доказательством, вот и суди сам, что объективки в деле нет.

– Опять Петрова подсуежилась, – вырвалось у Игоря.

–А что Петрова? Закон соблюдай, он для всех писан. Извини, у меня работа, – отрезал Величко и отсоединился.

Вот тебе раз, присвистнул Игорь, выходит и дело прекратили из-за моих нарушений. Значит, предстоят новые разборки, а за ними – неприятности.

К переплётному делу руки уже не лежали, захотелось подышать свежим воздухом. Игорь вышел во двор и уселся на лавочке.

29

В это же время Жека на своем верном «Урале» заруливал на окраинную улочку Калашина. У высокого глухого забора из металлического профнастила он остановился. На врезанной в ворота калитке был установлен домофон, по которому Жека и вызвал хозяина, а сам с сигареткой присел на мотоциклетную люльку.

Сергуня вышел не скоро. Длинный и нескладный, в вечном джинсовом костюме этот парень только с виду был заторможенный. Соображал он быстро, а считать в уме мог лучше калькулятора. Пожав вяло протянутую ему руку, Жека вытащил из кармана «Верту» и протянул Сергуне. Тот, быстрым глазом окинув улицу, убедился, что в полуденный зной улица пуста и стал рассматривать товар. Он сразу понял, что вещь ценная, а значит опасная. Её хозяин чувак не простой, и нужно убедиться, что неприятностей не будет.

— Где намылил? — с искусственным безразличием поинтересовался Сергуня.

— Да на речке, знаешь, где плёс, там всегда городские купаются. Там песок и течения нет, вода тёплая. Ну, там, на пляже и нашёл. Видать кто-то выронил, — Жека старался, чтобы его сочинение выглядело правдиво, — это ведь мобильный телефон, он, думаю, дорогой, возмёмшь?

— А зарядки к нему нет? — уточнил Сергуня, хотя и сам понимал, что вопрос лишний.

Жека удручённо помотал головой:

— Нету, только вот эта штука.

— Ну, я не знаю. Надо у людей спросить. Стремновато как-то, он точно чистый?

— Я же говорю, нашёл случайно в траве.

— Смотри Жека, если подставляешь, ответишь. Ладно, дай мне время, через пару дней приезжай, а я пока в Москву сгоняю, понюхаю, что и как. Идёт?

Деваться было некуда, и Жека согласился.

Подождав, когда мотоцикл уедет подальше, Сергуня быстрым шагом отправился в центр города, где в салоне связи работал его проверенный дружок, разбирающийся во всех этих электронных приключениях. У того нашлась и подходящая зарядка. Старую сим-карту извлекли и, разрезав ножницами на части, отправили в мусорный мешок. Выждав полчаса и дав аппарату немного зарядиться, поместили в него сим-карту из телефона Сергуни и проверили работоспособность. Всё было в порядке. На Сергунин вопрос о цене его дружок странно улыбнулся и ответил, что такой новый стоит больше трехсот тысяч, но он даже подержанный не купит, нет таких денег, и продать будет некому. Сергей насторожился. Эта золочёная штучка явно таила опасность, но от желания срубить побольше бабок, у Сергуни, как говорят, «чесались уши». Надо, не откладывая, ехать в Москву.

Жека тем временем подъехал к ангару Выхлопа и потёрся возле сдатчиков металлолома, но никаких разговоров про труп в лесу никто не вёл. Осторожный Жека никого расспрашивать не стал, завёл мотоцикл и поехал в центр. Побродил там у витрин киосков, торгующих всякой всячиной, и наконец набрел на такие же пластмассовые штучки, похожая на которые лежала у него в кармане. На его вопрос удивлённый продавец пояснил, что это внешние накопители, или, по-другому, флеш-карты для компьютерной техники, позволяющие сохранять в себе большой объём информации.

Жека с умным видом покивал, хотя ничего толком не понял, и отошёл к ларьку с мороженым. Облизывая содержимое вафельного рожка, он прикидывал, что новые в пластиковой упаковке флеш-карты стоят одну-полторы тысячи рублей. А у него в кармане старая, уже бывшая в употреблении, и за неё столько не дадут. Так может и её отправить в топь, вслед за документами и банковскими карточками. О том, что цену может иметь сохранённая на флешке информация, ему в голову просто не пришло.

30

После обеда у Игоря зазвонил мобильный, он машинально поднёс его к уху и услышал:
–Здравствуйте, это Иванов говорит, меня выписали из больницы, вы просили позвонить, как выпишут.

В первые мгновения Игорь не понял, кто с ним разговаривает, а потом сообразил, что это тот самый Петрович из деревни Стеблево, и обрадовался:

–Вас выписали? Это хорошо! Как вы себя чувствуете?

–Всё в порядке, вроде нигде не болит, только голова кружится, когда наклоняюсь, а так ничего.

–Вы там у себя поосторожнее, если что, сразу звоните мне или Куницыну Евгению, у вас номер его телефона есть?

–Да, записан. Мне жена сотовый телефон подарила, чтобы на связи всегда был. Мой номер вы запишите, он такой...

–Не нужно диктовать, он высветился у меня в телефоне, я просто его сохраню.

–Ну, раз так можно, тогда хорошо. Я что ещё хотел вам сказать, если действительно мне не показалось, а был мотоцикл, то это Жека из соседней деревни, из Мантурово. Он про полянку один знал.

–Спасибо, проверим, но всё же повнимательнее будьте, мало ли что.

–Ничего, я теперь приготовлюсь, если ещё раз полезут, мало не покажется.

–Геннадий Петрович, вы там аккуратнее, а то у нас такие законы, что вас же потом и привлекут к ответственности.

–Я всё продумал, время было, пока в больнице валялся. Целый план нарисовал.

–Ладно, удачи вам, – Игорь отключился и подумал, что слова-то он сказал правильные, а вот реально Иванова прикрыть проблема из проблем. Защита свидетелей в законе прописана, но ресурсов под неё немного, у них в районе это вообще ни разу не применялось.

Иванов, переговорив с Игорем, позвонил ещё жене, радуясь такой волшебной возможности: шагая к автовокзалу, говорить с человеком за сто пятьдесят километров от тебя.

Взяв билет на вечерний автобус, он за оставшиеся полчаса забежал с соседние магазины и прикупил кое-какой еды и пару бутылок вина, чтобы угостить соседок. Уже уходя, увидел стойку с кормом для животных и купил первый раз в жизни, наудачу, несколько пакетиков кошачьей еды. Все же кошки были на его стороне, и даже Муська, по рассказу соседки, проявила героизм и привлекла внимание, когда он валялся без сознания.

В полупустом автобусе он мысленно вернулся к тому, что в разговоре со следователем он назвал планом. Дума о том, как обезопасить себя на будущее, его не покидала. На чердаке была припрятана отцовская одностволка. Она слегка поржавела, но он своими слесарскими руками возродил старинное оружие к жизни. Да и патронов с десятков имелось, хотя они, за давностью хранения, могли и подвести. Но Петрович понимал, что вот так сразу он в человека выстрелить себя не заставит, разве только с большого перепугу. А в таком состоянии что за стрельба, себе же хуже сделаешь.

Нет, нужно сыскать что-то понадежнее. Прикинул и электро-западню, умения её соорудить хватило бы, но был и риск. Тут могло человека насмерть прихлопнуть, да и пожар мог случиться. Петрович даже тех, кто его избил, нечеловеками не считал и смерти им не желал.

Оставался ещё один способ превратить дом в крепость, но предстояло немало поработать, а Петрович после больницы не очень был уверен в своих силах, но и надеяться можно только на себя, как, впрочем, и всегда в жизни.

Автобус подрулил почти к его дому. Петрович неловко выскользнул в узкие автоматические двери и поспешил к себе. Кошки всем составом сидели на крылечке и сразу стали уви-

ваться под хозяйскими ногами, мешая войти в дом. Петрович по-доброму заворчал на такую помеху, но справился и с дверью, и с питомцами.

В комнате всё стояло на своих местах, жена прибралась, пока он отлёживался. Всё же она молодец, узнав про его беду, сразу приехала, чем могла помогала, телефон вот подарила. Неплохая она всё же оказалась баба.

Разобрав пакеты с покупками, Петрович первым делом выдавил из пакетиков на три блюдца дорожное угощение. Кошки обступили их и принялись есть. Не начали. Еда была непривычная, никогда ими не виданная. Петрович даже приглашающе сказал, что это вкусно, все кошки во всем мире едят. Но не убедил. Муська, ещё раз втянув носом воздух, резко выпрыгнула и несколько раз потрянула над кормом лапкой, после чего всё кошачье отродье развернулось и запрыгнуло на диван, обиженно поглядывая на Петровича, устроившего такое низкое издевательство над животными. Петрович, и так жалевший истраченные попусту деньги, даже смутился.

А вот приглашённые им соседки манерничать не стали. Дружно сели за стол, выпили за выздоровление Петровича сладкого винца, охотно закусывали привезенными деликатесами. Кошки уже оттаяли, и, отираясь под ногами, кланчили кусочки колбасы и сыра. Соседки пришли не с пустыми руками. Малосольные огурчики и молодая, отваренная с укропчиком, картошечка очень пришлись скучавшему на казённой пище Петровичу. Посиделки затянулись допоздна.

Проводив гостей, Петрович убедился, что запер двери, проверил шпингалеты на всех окнах и, смирившись с духотой, приготовился ко сну. Уже было лёг, но какое-то беспокойство его не оставляло. Отвык что ли от родного дома? Пришлось принести пахнущее смазкой ружьё и повесить его на гвоздик в изголовье кровати.

– Вот ведь до чего довели, собаки, в своей кровати, и то опасайся, – подсадовал Петрович, но то ли от присутствия оружия, то ли от выпитого, как-то сразу успокоился и не заметил, как уснул.

31

На неделе Игорю позвонил отец и обрадовал, что машину он купил и оформил, как договорились, на себя. С Рубеном уже почти рассчитался, но тот и не торопит. Надо бы автомобиль забрать, а то он так и стоит у Рубена во дворе. Игорь улыбнулся, вспоминая водительские мучения отца, так и не привыкшего к баранке.

Но до субботы выбраться не получилось. Пришлось ударно поработать, не считаясь с личным временем. В результате Игорь направил прокурору два дела о бытовых убийствах, и они оба с утверждёнными обвинительными заключениями ушли в суд. Это была небольшая победа. Игорь зашёл к Сорокину и отпросился на выходные. Тот поморщился, но разрешил.

В Москву Игорь рванул на вечерней электричке в пятницу. В дороге он приготовился обдумать кое-что по работе, но неожиданно для себя заснул и проснулся уже на подъезде к вокзалу. Видно сказалось перенапряжение последних дней и хронический недосып.

Дома было как дома: всё понятно, тепло и сытно. Братец опять отсутствовал. Отец с матерью долго расспрашивали, как погостила у него Ирина, тревожились: понравилось ли ей. Игорь искренне отвечал, что всё в порядке, но подробностей сообщать не стал. После ужина отец принёс на кухню папку с документами на машину и два комплекта ключей. Рубен, как пунктуальный человек, сохранил всё, включая свой старый договор на покупку. Игорь стал раскладывать бумаги на столе, стараясь отобрать второстепенные, а потом взял себе для чтения на ночь руководство по эксплуатации и отправился в кровать.

Прочитать он успел два первых абзаца, и тяжелый буклет опустился ему на нос. Мать осторожно убрала его с лица заснувшего сына и выключила свет.

Утром Игорь, оставаясь в постели, первым делом принялся читать руководство, выискивая неизвестные ему особенности автомобиля. Всё казалось понятным, хотя и смешили неуклюжие обороты перевода с японского. Собственно, уточнений бывшего владельца и не требовалось, все отметки о проведённых регламентных работах имелись в сервисной книжке. Сигнализация тоже была штатной, без заумных секретных технологий. Словом, Игорь готов был сесть за руль.

Встав, он спросил у матери, когда вернулся брат, та только махнула рукой, что означало: и не спрашивай. Наскоро позавтракав, вдвоём с отцом они отправились к дому Рубена.

Игорь снял свою «Альмеру» с сигнализации, разместился на водительском кресле и, включив двигатель, стал вживую исследовать рычаги и кнопки управления. Отец поднялся предупредить Рубена, что забирает машину, но что-то задержался. Игорь, увлечённый новой игрушкой, этого не замечал. Он попробовал тронуть машину вперёд, потом назад, привыкая к автоматической коробке передач. Обходиться без педали сцепления было непривычно, но неожиданно удобно. Захотелось проехаться по улицам, чтобы испытать все прелести управления. Наконец явился отец и извинился за Рубена, к которому приехали родственники, и тот не смог спуститься к Игорю сам. От отца пахло коньяком, понятно, что там наверху шло застолье. Отец уселся на место пассажира и застегнул ремень безопасности. На заднем сиденье помещались два колёсных диска с зимней резиной, ещё пара таких же лежала в багажнике. Глянув в зеркала заднего вида, Игорь произнёс историческую фразу: «Поехали!». Машина мягко покатила со двора.

Высидев отца у дома, Игорь не удержался и стал нарезать круги по кварталу, стараясь привыкнуть к поведению машины на дороге и к её габаритам. Пока всё ему удавалось. Помогло то, что в утренние часы субботы движение в их отдалённом от центра районе интенсивностью не отличалось. Игорь даже завернул на знакомую с детства заправку и залил полный бак бензина.

Такие взрослые хлопоты сильно возвышали его в собственных глазах. Как каждый рачительный хозяин он заехал в автомагазин и купил несколько безделушек для салона, и даже вовсе не нужную летом щётку на длинной ручке со скребком ото льда.

Больше ехать было некуда, Игорь аккуратно повернул в родной двор и, пользуясь тем, что большинство автовладельцев разъехались на дачи, выбрал себе место поудобнее. Занять чью-то насиженную стоянку он не боялся, потому что завтра планировал ещё до обеда пуститься в дальний путь, а все паркующиеся во дворе возвратятся только к вечеру.

Бодрым шагом, поднявшись в квартиру, застал всё семейство в сборе. Ещё раз поблагодарив отца и мать за купленную машину, он решительно отверг притязания брата, желавшего прямо сейчас прокатиться с ветерком. Имелись другие планы: они с Ириной условились встретиться и погулять вечером по городу.

Сразу после обеда он отправился к ней. В квартиру подниматься не стал, просто дождался у подъезда. Ирина надела платье в светлую полоску и лёгкие бежевые туфли на низком каблучке. Игорь нарядился попроще, но его это не смущало. Поцеловавшись, они под руку направились к метро. Поехали сначала на Воробьёвы горы, а затем в парк Горького, где на открытых эстрадах выступали самодеятельные музыканты.

Потом засели в небольшом кафе, заказав коктейли и кофе. Ирина с готовностью поддерживала разговор, но больше отвечала на вопросы, чем задавала сама. Игорь это почувствовал, но причины не понимал. Желая разрядить сгущающуюся обстановку, он начал было рассказывать о смешных случаях на работе, но Ирина эту тему как-то не поддержала.

Задумчиво помешивая соломинкой льдинки в высоком стакане, она вдруг спросила:

– Скажи, Игорь, ты, сколько думаешь оставаться в Калашине?

– Да, не знаю, как пойдёт служба, – смешался Игорь, сообразивший, что её прежняя рассеянность – просто подготовка к серьёзному разговору, – а почему ты вдруг об этом спросила?

– Я скоро пойду в интернатуру и должна буду определиться с местом будущей работы, поэтому и хочу знать твои планы, – спокойно объяснила она.

– Планы простые, пока переводиться мне некуда, никто меня с моим недолгим опытом не ждёт, буду работать там, где работаю, а что?

– Это хорошо, что ты трезво себя оцениваешь, но, может, стоит что-то изменить? Неужели ты работы в Москве не найдёшь? На твоём следствии свет клином не сошёлся.

– Конечно, не сошёлся, но мне моё дело нравится.

– Понятно, а как ты меня в своей жизни видишь, что я буду в Калашине делать?

– Ну, по специальности работать...

– Моя специальность: высокотехнологичные хирургические вмешательства в офтальмологии, а в вашей районной больнице мне останется только подбирать очки пенсионерам, ты это понимаешь? Да и где жить? В твоей съёмной однушке? Когда же ты повзрослеешь и прекратишь гоняться за придуманными идеалами? Чего молчишь?

Игорь умом понимал справедливость такого упрёка, но поступить так, как считала правильным Ирина, означало признать, что он ошибся с выбором профессии и места работы. Всё бросить и уехать он не мог. Она это поняла всей дарованной женщине мудростью и грустно произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.